

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХ НА КАВКАЗЕ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВОЙСКАМИ НА КАВКАЗЕ
КНЯЗЯ П.Д.ЦИЦИАНОВА

ПРИНЯТИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ
В ПОДДАНСТВО РОССИИ

История войны и владычества русских на Кавказе

Николай Дубровин

**История войны и владычества
русских на Кавказе. Деятельность
главнокомандующего войсками
на Кавказе П.Д. Цицианова.
Принятие новых земель в
подданство России. Том 4**

«Центрполиграф»

1871

УДК 93/94
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

История войны и владычества русских на Кавказе. Деятельность главнокомандующего войсками на Кавказе П.Д. Цицианова.

Принятие новых земель в подданство России. Том 4 /

Н. Ф. Дубровин — «Центрполиграф», 1871 — (История войны и владычества русских на Кавказе)

ISBN 978-5-227-06606-0

После присоединения Грузии к России умиротворение Кавказа стало необходимой, хотя и нелегкой задачей для России, причем главное внимание было обращено на утверждение в Закавказье. Присоединяя к себе Грузию, Россия становилась в открыто враждебные отношения к Турции, Персии и к горским народам. Сознавая, что для успешных действий в Грузии и Закавказье нужен не только человек умный и мужественный, но и знакомый с местностью, с нравами и обычаями горцев, Александр I назначил астраханским военным губернатором и главнокомандующим в Грузии князя Цицианова. Однако Цицианов не стал простым исполнителем его указаний; он внес в план действий много своего, личного, оригинального, и, быть может, это-то содействовало более всего успеху русского оружия и дипломатии на Кавказе.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06606-0

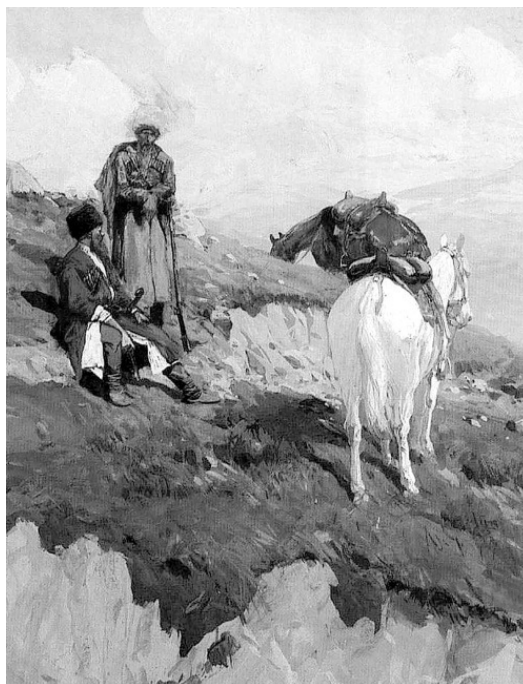
© Дубровин Н. Ф., 1871

© Центрполиграф, 1871

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Дубровин
История войны и владычества
русских на Кавказе. Деятельность
главнокомандующего войсками на
Кавказе П.Д. Цицианова. Принятие
новых земель в подданство России. Том 4

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава 1

Назначение князя Цицианова главнокомандующим войсками на Кавказе. Его прошлое. Инструкции, данные князю Цицианову. Административное деление подчиненного ему края. Состояние калмыков. Меры к улучшению их быта. Кабардинцы

Происходившие в Грузии беспорядки заставили императора Александра I обратить на них внимание и поставить во главе тамошнего управления такого человека, который бы, отличаясь административными достоинствами, вместе с тем соединял в себе знание быта туземного населения. Таким лицом являлся князь Павел Дмитриевич Цицианов.

По своему происхождению князь П.Д. Цицианов принадлежал к одной из наиболее известных грузинских фамилий и был родственником супруги последнего царя Грузии Георгия XII¹. С назначением Павла Дмитриевича Грузия могла ожидать для себя самых благих последствий, тем более что он был тогда известен и в России как один из лучших ее деятелей.

Князья Цициановы были некогда владетелями в Карталинии, и род их, считающий свое начало с XIV века, нередко соединялся брачными узами с царским грузинским домом. Один из князей Цициановых, князь Паата (Павел Захарьевич), дед князя Павла Дмитриевича, выехал в Россию в царствование императора Петра I, а при императрице Анне Иоанновне вступил в русскую службу в Грузинский гусарский полк капитаном.

Князь Павел Дмитриевич родился в Москве 8 сентября 1754 года². Еще ребенком, семи лет, записан он в службу в лейб-гвардии Преображенский полк, и 1 января 1772 года произведен в прапорщики в тот же полк. Талантливость и способности свои князь Цицианов выказал с ранних лет. Будучи тринадцатилетним мальчиком, под руководством своего отца, он перевел небольшую книгу «Полевой инженер», изданную в 1775 году. Молодые годы он проводил в занятиях переводами и в изучении военных писателей. Князь Павел Дмитриевич писал порядочные стихи и перевел, между прочим, с французского на русский язык творение Фоларда.

По собственному своему желанию он оставил Преображенский полк и перешел сначала в Тобольский пехотный, а впоследствии, с производством в полковники (12 февраля 1786 года), назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, с которым и был в первом огне, в армии графа Румянцева, в 1788 году.

С этого времени начинается боевая деятельность князя Цицианова. Он участвует в сражениях с турками при реке Салче и при взятии крепости Бендер. Отсюда он отправлен был с своим полком в Польшу, где ему поручено было сформировать гренадерский полк (ныне Гренадерский короля Фридриха-Вильгельма III), с которым он пришел в Гродно в 1793 году.

Сентября 2-го того же года князь Цицианов был произведен в генерал-майоры и, по общему расписанию генералов, должен был ехать на Кавказскую линию, но императрица оставила «своего генерала», как называла она Цицианова, при Санкт-Петербургском полку. Возмущение в Польше дало князю Цицианову средства выказать свои блестящие военные дарования. С небольшим отрядом он двинулся к Гродно, наказал жителей за намерение их возмутиться, взял с них 100 000 руб. контрибуции, не пропустил в город неприятельских партий и своими распоряжениями спас наш отряд, вышедший из Вильны. Вслед за тем прогнал Сапегу из Слонима и явился на приступ Вильны³.

¹ Царь Георгий XII был женат на княжне Цициановой Марии.

² Жизнь князя Цицианова. Москва, 1823 г. Подвиги русск. воин, в странах Кавказских, Зубова. Формулярный список князя Цицианова. Записки Тучкова (рукопись). Воен. учен. арх. Главн. штаба.

³ Записки Л.Н. Энгельгардта, изд. 1867 г., с. 164.

В августе того же года князь Павел Дмитриевич с одним батальоном пехоты настиг скопище мятежников под начальством Грабовского, разбил их и самого Грабовского взял в плен.

Всеми этими действиями князь Цицианов составил себе громкое имя. Императрица Екатерина II пожаловала ему орден Св. Владимира II степени и шесть тысяч рублей⁴, а Суворов, в одном из приказов, просил своих подчиненных сражаться столь же решительно, как храбрый генерал князь Цицианов.

В 1796 году, по выбору самой императрицы, князь Павел Дмитриевич участвовал в персидской кампании под начальством графа В.А. Зубова. Познакомившись на месте с бытом азиатских народов и их характером, князь Цицианов возвратился в Россию как бы подготовленный для предстоявшей ему впоследствии новой деятельности.

В том же 1796 году он назначен был шефом Суздальского мушкетерского полка, а в следующем году вышел в отставку, в которой и оставался до мая 1801 года.

Император Александр I снова принял его на службу, в канцелярию государственного совета экспедитором по военной части, и произвел в генерал-лейтенанты.

Таково было служебное поприще князя Цицианова, заявившего себя человеком с блестящими военными дарованиями, о личных достоинствах которого мы приводим подлинные слова одного из его современников и сослуживцев.

«Цицианов, – пишет Тучков, – получил порядочное образование и был одарен умом от природы. По службе военной имел опытность, был честен и хотел иногда быть справедливым, но часто желание это было тщетным. Притом был вспыльчив, самолюбив, горд, упрям и дерзок. Не любил принимать ни от кого советов; мало было из подчиненных, которые пользовались бы его хорошим мнением». Он любил подсмеяться, сострить на чужой счет, и это свойство характера было причиною многих неприятностей для него в молодости.

Человек энергичный и деятельный, князь Цицианов не любил соперников и вообще таких лиц, которые могли стать ему поперек дороги. Он ценил людей только за гробом и открыто сожалел, например, о генерале Гулякове только тогда, когда тот был убит. Пока жил Гуляков, князь Цицианов многое приписывал себе и достиг того, что получил неограниченную власть и силу. Император Александр предоставил ему право награждать подчиненных орденами и распоряжаться по усмотрению, не ожидая разрешений из Петербурга⁵. Пребывание в Грузии некоторых лиц, командированных министрами с разными поручениями, не нравилось князю Цицианову. Еще до приезда своего в Тифлис он успел добиться того, что они были подчинены ему вполне. Коллежского советника Соколова приказано или оставить в канцелярии главнокомандующего, или выслать из Грузии. Графа Мусина-Пушкина разрешено, в слу-

⁴ «Отдавая справедливость, – писала императрица 18 мая 1794 г. князю Н.В. Репнину, – с одной стороны благоразумным распоряжениям генерала-майора князя Цицианова, который не только отвратил изменнический умысел врагов и сохранил безвредно часть войск ему порученную; но и прочим деташиементам в Литве бывшим преподавал способ соединиться с ним, и потом наказал город Гродно контрибуциею, а с другой, храбрым и мужественным поступкам Нарвского пехотного полку премьер-майора Раутенштерна и артиллерии капитана Тучкова, спасших из Вильны, при бывшем там мятеже, две тысячи триста тринадцать человек нашего войска и восемь орудий полевой, да пять полковой артиллерии, а потом в целости их доведших под начальство помянутого генерала-майора князя Цицианова, пожаловали мы первому большой крест ордена нашего святого Владимира второй степени, а последних двух кавалерами военного ордена св. Георгия четвертого класса, коего знаки для доставления им при особых к ним грамотах препровождаем к вам. А сверх того повелеваем: *первое*, из числа взятой в Гродне контрибуции дать генералу-майору князю Цицианову шесть тысяч рублей в награждение ему от нас пожалованные. *Второе*, из той же суммы удовлетворить все роты, которые при внезапном на них злодейском нападении, как в Варшаве, так и в Вильне потеряли артельные повозки и деньги, истребовав о числе оных верные сведения. И наконец, *третье*, по таковом же собрании достовернейших уведомлений о потере, какую понесли штаб и обер-офицеры при войсках наших, в тех же местах бывших, и которая должна заменена быть насчет самих изменников, выдать всем тем штаб и обер-офицерам на заведение потерянных ими экипажей, по собственному вашему усмотрению, соразмерно убытку каждым понесенному, некоторое число денег, донеся нам в свое время об оном. Остальную же затем сумму из гроденской контрибуции взять в ваше распоряжение».

⁵ Рескрипт императора князю Цицианову и письмо ему же графа Кочубея от 1 февраля 1803 г.

чае вмешательства в дела, привести «в пределы возложенного на него поручения, единственно рудники грузинские имеющего»⁶.

Князь Цицианов был строг со своими подчиненными, от которых требовал неутомимой деятельности и безусловного исполнения своих приказаний. Воспитанник и сподвижник Румянцева и Суворова, он имел особый взгляд на службу и находил, что в последние годы она изменилась во многом. Будучи уже командующим войсками на Кавказе и получив известие о назначении под его начальство графа Михаила Семеновича Воронцова⁷, князь Цицианов благодарил его дядю за доверие, ему оказанное. «Впрочем, – писал он графу А.Р. Воронцову⁸, – по милостивому вашему сиятельству ко мне расположению, беру смелость откровенно донести, что нынешней службы научиться нельзя, да и пользы для молодого офицера в ней я не вижу. Она не походит на ту службу, в которой батюшка графа Михаила Семеновича отличался изволил, когда граф Петр Александрович, службе дав душу, привил офицерам любовь к славе, а не к деньгам, когда не всякий лез с рапортами к *государю* и не писал начальнику *«я отнесся к его императорскому величеству»*, считая по глупости своей, что он выходит из степени повинования оными сношениями. Субординация, душа военной службы, ныне погребена, и начальник, требующий оной, кажется в глазах дюжинных генералов строгим и тираном; одним словом, от русской службы отстали, а к прусской не пристали».

Князь Павел Дмитриевич был во всех отношениях честный человек, которому, по его собственному выражению, родители, с самых юных лет, вселили «правила беспристрастия и любления истины»⁹.

– Я не языка законов ищущ, – говаривал он, – а их действия к наказанию порочных и к обороне невинных, вот моего звания долг и вот стезя, от коей я не устранился ни на час. *Не имена (то есть название) истины и справедливости* меня водят в моем поведении, но самая истина и справедливость – вот мое имущество и вот цель моих душевных побуждений.

Такой взгляд князя Цицианова на дела и службу известен был и императору, признавшему его способным уничтожить беспорядки и неустройство, укоренившиеся в Грузии.

«По дошедшим ко мне жалобам, – писал император князю Цицианову¹⁰, – и неудовольствиям на управляющих в Грузии, генерал-лейтенанта Кнорринга и действительного статского советника Коваленского, признал я нужным, причислив первого к армии и отозвав последнего сюда для употребления к другим делам, возложить на вас все должности, с званием инспектора Кавказской линии, астраханского военного губернатора, управляющего там и гражданскою частию, и главноуправляющего в Грузии соединенные.

Из сих обязанностей две первые имеют уже свой установленный порядок. Ревность и усердие ваше ручаются мне, что вы удержите и сохраните его в надлежащем положении.

Но последняя, будучи сопряжена с новым устройством края, принятого Россией в особенное покровительство, должна привлечь на себя особенное ваше внимание, в основание коего примите следующие примечания:

1) Пределы власти, вам вверяемой, суть те же самые, в коих поставлен был генерал-лейтенант Кнорринг.

2) В наставлении, данном ему при начальном устройстве Грузии, найдете вы не только подробные правила о его управлении, но изъяснение главных побуждений, руководствовавших меня в сем деле. Вы найдете в них, *что не расширение власти моей и не приумножение собственных польз России я в сем искал, но единственно желал успокоить народ, мятежами*

⁶ Рескрипт императора князю Цицианову от 30 января 1803 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. II, № 10.

⁷ Впоследствии князь и наместник Кавказа.

⁸ От 11 октября 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел. II, 23, 1803, № 2.

⁹ Акты Кавк. археогр. комиссии, т. II, № 2086.

¹⁰ От 8 сентября 1802 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. II, № 1.

внутренними и внешними буруемаый, издавна России преданный и древнею своею приверженностью особенное ее участие заслуживший. Вы найдете, что введение в нем настоящего порядка дел не было шагом к его завладению, но следствием того рассуждения, что *удобнее для России защищать край благоустроенный и постоянно управляемый,* нежели, по внезапным только случаям и единственно на вопль усилившихся его бедствий, временно приходить на помощь ему и с большими издержками доставлять ему внешним действием минутные меры поправления, всегда готовые разрушиться, как скоро сила, их поддерживающая, оставит их. Я счел нужным утвердить вас в сей главной мысли, дабы видели вы самое основание плана, на коем управление Грузии должно быть поставлено».

Руководясь такими правилами, князь Цицианов должен был основать на них свое поведение и дать почувствовать грузинскому народу, *«что ни отдаленность, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благости российского управления и что никогда не будет он иметь причин раскаяться, вверив судьбу свою России».*

При вступлении в управление краем князь Цицианову прежде всего вменялось в обязанность исследовать на месте и удовлетворить жалобы грузин на предшествовавшее правление, а потом обратить особенное внимание на состояние доходов в Грузии и приведение в известность уделов, принадлежавших членам царского дома.

«При установлении в сем крае настоящего образа правления, – сказано в рескрипте императора Александра, – я имел личное от генерал-лейтенанта Кнорринга удостоверение, что Грузия собственными своими доходами содержать себя может. Но доселе о количестве доходов сих ничего от него не доставлено, а между тем издержки по разным предметам, день от дня умножаясь, возросли уже до весьма нарочитой суммы, и хотя устройство сего народа сделалось предметом общего попечения правительства, но я никак не желал бы, чтоб тяжесть управления его пала единственно на Россию. С другой стороны, некоторые члены царского дома приносят жалобы, что они оставлены без приличных им способов содержания, определить же сии способы, доколе не будут известны уделы их владений, нет возможности».

Беспрестанные жалобы членов царского дома на отнятие у них средств к существованию, а главное вмешательство их во внутренние дела страны и интриги, клонившиеся к восстановлению прежнего правления, заставили императора принять меры к вызову в Россию всех членов царского дома. Это было тем необходимее, что старания царицы Дарьи о возведении на престол царевича Юлона были тогда в полном развитии, и большинство членов царского дома были с нею в согласии. Кнорринг почти еженедельно доносил, что по подстреканиям царицы Дарьи смежные владельцы готовы вторгнуться в Грузию и что Баба-хан, объявивши царевича Юлона царем грузинским, отрядил уже войска для утверждения его на престоле.

Хотя находившихся в Грузии русских войск и было достаточно для того, чтобы покушения врагов не имели важных последствий, но их было недостаточно для защиты всей границы и обеспечения пограничных селений от разорений, неизбежных при вторжении неприятеля и тем более такого, которому были чужды правила войны, усвоенные европейскими народами. Следовательно, предупредить такое вторжение и уничтожить интриги, как источник всех неприязненных действий против Грузии, делалось настоятельно необходимым. Еще при вступлении Грузии в подданство России правительство предвидело, что восстановление спокойствия в стране возможно только при совершенном удалении всех членов царского дома, и потому тогда же было решено вызвать их в Россию. «Но, – писал император Александр, – переменчивость в началах главноуправлявшего, который то о пользах их ходатайствовал, то приносил на них жалобы, а может быть, и недостаток известной твердости доселе решение сие оставляли неисполненным. Между тем вы сами познаете, сколь сие нужно, и потому между первейшими обязанностями вашими поставите принять все меры убеждения, настояния и, наконец, самого понуждения к вызову сих беспокойных царевичей, а особливо царицы Дарии в

Россию. Мерию сию считаю я главною, к успокоению народа, при виде их замыслов и движений, не перестающего колебаться в установленном для счастья их порядке».

Тем не менее, прежде чем прибегать к силе, император поручил главнокомандующему употребить все усилия к тому, чтобы склонить к добровольному выезду в Россию царевичей и царевен, как живших в Грузии, так и ушедших в Имеретию. Относительно последних князь Цицианов, по прибытии в Тифлис, должен был отправить посланного к имеретинскому царю Соломону и стараться склонить его, даже при помощи денег, выдать царевичей. Для большего успеха император сам писал письма как Соломону, так царицам Дарье и Марии.

«Из обнародованного в Грузии манифеста, – писал Александр I царицам¹¹, – вам, конечно, известны те распоряжения, коими я был подвигнут на ограждение Грузии от бедствий, ее постигших, установлением в ней прочного правительства и порядка.

Продолжая то же самое о сей единоверной стране промышленные, с удовольствием я видел, что первые начала благоустройства, в ней положенные, восприяли уже свое действие.

Спешествуя их распространению и между тем из всех доходящих до сведения моего обстоятельств усматриваю, что остатки беспокойных мыслей в народе, поджигаемые иноверными соседями, кои силятся различными внушениями и слухами расстроить первые основания учреждаемого в сем краю порядка и даже поколебать ту доверенность, каковую к вам и всем членам царского дома имею. В отвращение тех беспокойств, какие слухи сии вам лично нанести могут, так как и к совершенному их пресечению, нашел я нужным предложить вам предпринять на время, со всем вашим семейством, путь в Россию, доколе преднамереваемое к счастью сей страны распоряжение совершенно в ней утвердится и когда вам можно будет возвратиться в отечество ваше с совершенным для вас самих спокойствием и безопасностью.

Предполагая, что назначение таковое найдете вы и сами столь же для вас полезным и необходимым, как и твердо мною решенным, – я считаю для себя приятным в то же время вас уведомить, что для спокойного и выгодного путешествия вашего в Россию все нужные и приличные достоинству вашему распоряжения повелел уже я устроить главноуправляющему в Грузии генерал-лейтенанту князю Цицианову».

Почти такого же содержания были написаны графом Кочубеем письма царевичам Юлону, Вахтангу, Александру, Парнаозу и Давиду¹². Вызывая их в Россию, правительство имело главнейшею целью уничтожить интриги и, пользуясь отсутствием лиц царского семейства, привести в систему и ясность запутанные дела Грузии, а затем кротким, справедливым, но притом и весьма твердым поведением главноуправляющего в том крае стараться приобрести доверенность не только Грузии, но и соседственных владений. Император Александр I выражал уверенность, что там, где привыкли видеть *«только лютость власти персидской, всякие поступки сильной державы, основанные на правосудии и твердости, почтутся, так сказать, сверхъестественными и приобрести неминуемо должны их к ней приверженность»*¹³.

Междоусобия в Персии, постоянно продолжавшиеся, хотя с усилением власти Баба-хана и казались утихшими, но спокойствие это не могло считаться ни твердым, ни продолжительным. Баба-хан имел многих противников в самой Персии, много таких лиц, которые готовы были отклониться от его зависимости и подданства. Составивши связи с такими владельцами и подкрепляя их, мы могли значительно ослабить Баба-хана и отдалить его виды на Грузию. Князю Цицианову поручено было обратить внимание на внешние сношения предместника его с владельцами персидских провинций, поддерживать дружественные отношения с лицами нам преданными, и вновь войти в сношение с теми ханами, которые будут склоняться на сторону России.

¹¹ В рескриптах от 3 октября 1802 г., за № 16 и 17. Арх. Мин. внутр. дел, департ. общих дел, ч. VII.

¹² Письма графа Кочубея царевичам от 3 октября 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел, департ. общих дел, ч. VII.

¹³ Рескрипт князю Цицианову от 26 сентября 1802 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. II, № 5.

Мирные отношения наши с Турцией, казалось, ограждали князя Цицианова от неприязненных столкновений с этою державою. Хотя со стороны пашы Ахалцихского и можно было ожидать беспокойств, но не потому, чтобы он имел какое-либо приказание Порты, но по собственному своему корыстолюбию и склонности к грабежу и хищничеству. Напротив, по требованию нашего министерства Порты неоднократно посылала ему строжайшие приказания не держать у себя лезгин и прекратить вторжение в русские пределы, но паша Ахалцихский, уважая весьма мало власть султана, не обращал на присланные указы никакого внимания. Князю Цицианову разрешено было преследовать лезгин в пределах ахалцихских, но с тем, чтобы каждый раз сообщать о том нашему посланнику в Константинополе.

«Что же касается, – писал император князю Цицианову¹⁴, – до других провинций турецких, к Персии прилегших, то мало или совсем не имеют они никаких с Грузиею сношений, и по всем сведениям Порты, кажется, весьма мало занимается делами персидскими и нашими в Грузии оборотами; но не из числа вещей невозможных, что ныне министерство турецкое про-
исками правительства французского более займется делами сими».

Оставаясь по наружному виду покойным и поддерживая союзные отношения с Россией, турецкое правительство могло тайными путями интриговать среди магометанского населения, прилегавшего к Кавказской линии, с целью восстановить их против нашего правительства и иметь постоянного союзника, на случай неприязненных действий с Россией. Поэтому князю Цицианову вменялось в обязанность исследовать с особенным вниманием все обстоятельства, как относительно сношений наших с племенами независимыми, так и относительно управления народов, находившихся в зависимости России. Если горским народам свойственно было производить непрерывные грабежи и хищничества, то с другой стороны, по дошедшим до Петербурга достоверным сведениям, нельзя было оправдать и поступков с ними как русских чиновников, так и самих жителей, позволявших себе нередко отгонять скот и делать горцам разного рода притеснения. Желая доставить главноуправляющему все средства к уничтожению вкоренившихся злоупотреблений, император признал необходимым подчинить ему все места и лица, входившие в состав управлений вверенных ему областей и губерний. Указом Коллегии иностранных дел от 17 октября 1802 года все находившиеся в ее ведении пристава при разных кочующих народах подчинены были князю Цицианову. Вслед за тем, в ноябре 1802 года, последовал указ о разделении Астраханской губернии, состоявшей из девяти уездов, на две губернии: Астраханскую и Кавказскую. В состав первой вошли четыре уезда: Астраханский, Енотаевский, Красноярский и Чернойарский. Кавказская же губерния составлена из пяти уездов: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Главный военный и гражданский начальник обеих сих губерний был инспектор Кавказской линии и управляющий в Грузии. Постоянным местопребыванием его назначен город Георгиевск, избранный губернским городом Кавказской губернии. В помощь главноуправляющему в каждой губернии были назначены гражданские губернаторы, но могли быть и военные, управляющие гражданскою частью.

Получивши высочайшее повеление об отправлении на усиление войск кавказской инспекции двух полков, Саратовского мушкетерского и 9-го егерского, князь Цицианов отправился к месту своего назначения.

Подвигаясь к Георгиевску и всматриваясь в состояние вверенного ему края, князь Павел Дмитриевич видел, что наибольшее его внимание должно быть обращено на Грузию и ее соседей.

Будучи окружена буквально со всех сторон недоброжелателями и даже отделена от России, к границам которой она не примыкала непосредственно, Грузия, конечно, по своему положению уже нуждалась в миролюбивых сношениях со своими соседями. Всякое уклонение от

¹⁴ В рескрипте от 26 сентября 1802 г.

этого влекло прямое вторжение внутрь страны различных азиатских народов, склонных к хищничеству и грабительствам и ждущих только к тому удобного случая и первого предложения. Все эти причины заставляли наше правительство, до известной степени, стараться о сохранении дружественных отношений с тамошними народами.

Находясь почти в постоянной ссоре друг с другом, многие горские ханы и владельцы несколько раз обращались к России и просили ее покровительства, а некоторые и подданства. Но все эти искания и заключаемые с ними условия имели силу только до первого случая, представлявшего им наиболее выгоды; тогда они уклонялись от покровительства России, становились во враждебные к ней отношения, а через несколько дней опять искали ее подданства. Поступая так относительно России, ханы и владельцы точно так же вели дела и между собою. Те, которые сегодня были в открытой вражде между собою, завтра делались друзьями и враждовали со вчерашним союзником...

Не входя в подробности поступков и действий горских ханов и владельцев, мы ограничимся знакомством с ними и их интересами из донесения самого князя Цицианова к канцлеру:

«Ших-Али-хан Дербентский и Кубинский, – писал он, – высокомерен, надменен, неприимчив, властолюбив, интриган, довольно храбр, славлюбив и всем пожертвует для сего последнего свойства, устремляя все старания и направляя все пружины к большим приобретениям; при всем том роскошен и сластолюбив. Цель его – поставить в Ширвани ханом Касима, с тем чтобы, слабостию его воспользовавшись, иметь влияние на его владение, посредством его, так как бакинский всегда был данником ширванского, ныне владеющего Бакою, хана сверзить и поставить ему удобного; также по слабости Касима отнять у него Сальян, яко владеемой пред сим Ших-Али-хановым отцом, Фет-Али-ханом, а ныне от кубинского владения отделенный и присвоенный Мустафю-ханом ширванским. Связи его искренние с Шамхалом-Тарковским, потому что сей прост, не может ни препятствовать его предприятиям, ни сильно помогать, по местному его отдалению от тех мест, где Ших-Али-хан должен по плану своему вести войну. Сверх того, связь его основана на родстве, потому что за Мегдием Шахмалом-Тарковским его родная сестра.

Связи его не искренние с Сурхай-ханом казыкумхским (здесь больше известным под именем Хамбута), ныне восстановленным, потому что Сурхай-хан есть один из храбрейших и сильнейших владельцев лезгинских в Дагестане, и они, ревнуя взаимно один другого к силе и могуществу, никогда не могут иметь между собою искренней связи.

По свойствам же того Ших-Али-хана, по деятельности его и интригам, полезнее для России унижать и ослабевать его, давая знаки покровительства имеющему претензии на Дербент аге Али-Беку, или, буде можно, под видом помощи, ввести гарнизон в Дербент, а со временем и отдалить его Ших-Али-хана, восстанови слабейшего и не столь предприимчивого агу Али-Бека. Сей же, имея необходимую нужду в подпоре России, может быть полезнее видам ее.

Гусейн-хан бакинский: как человек он более слаб, легковверен, удобно водим чиновниками своими, скорее трус, нежели храбр и недалновиден, удален от предприимчивости и вял в делах своих.

Связи его с Мустафю-ханом шемахинским основаны на личной и необходимой выгоде. Не имея никакой собственности, кроме города Баку, подпора бакинскому от ширванского хана столько нужна, сколько человеку пища. К тому же некогда бакинские (ханы) были данниками ширванских.

Польза России сохранить его в достоинстве хана только тогда может быть действительна, когда будет введен в Баку наш гарнизон, без чего он не может служить видам России, будучи так слаб, что и помышлять о сопротивлении другим ханам не смеет, следовательно, и к понижению их силы и могущества неспособен.

Мир-Мустафа талышинский хан: о свойствах его говорить нечего, для того, что, сравнив его с бабою, все о нем сказано. Связей не имеет, потому что его все презирают и за слабейшего почитают.

Польза России от него малая, по местному его положению за Курю, в непроходимых почти горах, и влияния на дела ханов, на левом берегу владеющих, никакого не имеет.

Между тем он может самую малую помощь подавать нашим купцам, торгующим в Реште и Энзелях.

Мустафа-хан ширванский (шемахинский): храбр, хитер, умерен в расходах и оттого любим чиновниками. Любит охоту, довольно славолубив, предприимчив и не менее Ших-Али-хана осторожен, а в военном деле искуснее его.

Связи его с покойным аварским ханом, на ханское достоинство его возведшим, продолжают и донде с чиновниками молодого хана. Также потаенные имеет связи с карабагскими ханами, то есть нахичеванским Калбалы-ханом и Джеват-ханом ганжинским, и ищет в Баба-хане.

Мог бы полезен быть для России, если б в душе своей не носил ненависти к ней, а также и страшась покровительством оной лишиться Сальян. Впрочем, кто бы ни был шемахинским ханом, но всегда нужен для России, относительно сообщения Грузии с Бакою или Каспийским морем к распространению торговли.

Сурхай-хан казыкумский: весьма храбр, почтен от всего Дагестана, непримиримый враг христиан, тверд и осторожен.

Связи его теснейшие были с аварским ханом, сколько по соседству, столько и по взаимному почтению, впечатленному храбростью и силою обоих.

Польза России требует, чтоб он искал войти в подданство, хотя бы по примеру других, и надлежало пожертвовать некоторою суммою, ему пожалованною, ибо, по случаю приобретения Грузии, для обеспечения ее от набегов и в облегчение наших войск оное мнится быть необходимым.

Прочие же, как аварский хан и кадий табасаранский, по юности их, недостойны еще внимания, а надлежит посредством их способных чиновников ими управлять».

Такова характеристика лиц, с которыми князь Цицианов принужден был иметь дело. Поддерживая для безопасности Грузии мирные сношения с ханами, князь Павел Дмитриевич сознавал также и то, что прочность положения нашего в этой стране зависела от безопасности сообщения ее с остальною Россией.

В то время все проходы в Грузию заняты были разными племенами горских народов, необузданно диких, живших грабежом и разбоем, нападавших на проезжающих и нередко вовсе прерывавших сообщение.

Кроме опасностей на дороге, ведущей в Грузию, жители пограничных селений немало терпели от набегов и хищничества народов, населяющих хребет Кавказских гор. Дагестанцы и лезгины беспрерывно вторгались в Грузию; соседи их, чеченцы, осетины и даже кабардинцы, производили грабежи, как по дороге, ведущей в Грузию, так и по сю сторону хребта на Кавказской линии. Они врывались в наши границы, грабили селения и уводили в плен жителей. Западнее их и ближе к Черному морю поколение черкасского народа также хищничало и грабило своих соседей, черноморских казаков.

Все эти народы делились на три части: кабардинцы и осетины считались нашими подданными; черкесы, известные в официальной переписке под именем закубанцев, находились под покровительством Порты и, наконец, чеченцы и лезгины считали себя вольными и независимыми. Незначительность боевых средств заставляла тогдашних главнокомандующих в том крае прибегать к системе не новой, но довольно верной и состоявшей в том, чтобы, поддерживая разные поколения горских народов в постоянной между собою вражде и ссоре, не допускать их до единодушия, могущего сделаться для нас весьма опасным. Такая система была тем

необходимее, что не было никакого основания рассчитывать на верность даже и тех племен, которые считались в подданстве России. Кабардинцы и осетинцы точно так же хищничали в наших пределах, как чеченцы и лезгины. В этом было виновато отчасти кавказское начальство, допустившее послабление и злоупотребление власти.

4 декабря 1802 года князь Цицианов прибыл в Георгиевск, где был завален жалобами кочующих народов и горских племен, находившихся в зависимости России. Кучи просьб не удивили главноуправляющего; ему известно было, что азиатский человек считает своею обязанностью, при каждой перемене начальника, пожаловаться на старого, как бы он хорош ни был, и польстить новому, которого никогда и не видывал. Князь Цицианов знал, что с претензиями этими надо поступать очень осторожно, подходить к ним с некоторою долею сомнения и недоверчивости. Кляузы и жалобы из-за личной вражды он оставил без всякого внимания, но в числе просьб нашел такие, которые, заслуживая полного внимания, требовали исследования и наказания виновных.

Вышедшие из-за реки Кубани нагайские татары жаловались на своего пристава, обременявшего их поборами и разного рода мздоимством. Найдя жалобы татар основательными, князь Павел Дмитриевич сменил пристава и назначил на его место генерал-майора султана Менгли-Гирея. Прося утверждения императора на такую перемену, князь Цицианов находил необходимым изъять Менгли-Гирея из подчинения главному приставу кочующих народов и поставить его в прямую зависимость от главнокомандующего. Само слово «*пристав*» предполагалось уничтожить и заменить «*начальником над беишовскими нагайскими татарами*», так как слово «*начальник*» всегда пользовалось большим значением между азиатскими народами, чем слово «*пристав*»¹⁵.

Получивши утверждение императора¹⁶, князь Цицианов должен был устроить дела и дру-гого кочующего народа – калмыков.

Дербетовская, торгоутовская и хошоутовская орды, составлявшие калмыцкий народ, были в крайней бедности и стеснены в земельном отношении. Две первые орды кочевали на нагорной стороне реки Волги; на луговом берегу находилась только одна хошоутовская орда, а прочие не имели права переходить туда.

Песчаные степи без воды, леса и даже без всякой растительности были переданы в вечный удел калмыкам. В этой бесплодной пустыне передвигались они с места на место, подходили к Волге, Куме, Царицынскому уезду и к землям донских казаков. Приближаясь к пограничным селениям, калмыки всюду встречали сопротивление со стороны жителей, не допускавших их ни к хорошей воде, ни к удобным пастбищам.

«Если где города, – писал главный пристав калмыцкого народа Страхов¹⁷, – не присвоили себе калмыцких земель в расстоянии верст за 25 и 35, там астраханская казенная палата отдает их внаем за маловажную цену, на десять и даже двенадцать лет. Казачьи станицы, крестьяне, татары, малороссияне, почты, ватаги захватывают и присвояют себе землю в таком излеществе, в каком им только вздумается. К Каспийскому морю, в так называемых мочагах, кочуют бедные люди или, яснее сказать, нищие всех орд – там русские позволяют им питаться падалью и сусликами, но не рыбою, которая у всех во владении или на откупу».

С давних времен калмыки кочевали близ Астрахани на одном и том же месте, которое оттого и получило название *Калмыцкого базара*, но в начале 1802 года и оно было отдано под поселение беглецам и бродягам, от которых калмыки принуждены были покупать «воду и огонь», подразумевая под последним плату за тростник на отопление в зимнее время. Отдача на четырехлетний откуп перевоза через реку Волгу окончательно убила промышленность кал-

¹⁵ Всепод. рапорт князя Цицианова 8 января 1803 г.

¹⁶ Высоч. повеление князю Цицианову 13 февраля 1803 г.

¹⁷ В письме канцлеру, от 12 ноября 1802 г., № 558. Арх. Мин. иностр. дел. II, И, 1802, № 1.

мыков, лишивши их права иметь собственный перевоз через эту реку. Калмыцкий базар, будучи без земли и без перевоза, постепенно уменьшался и дошел до того, что к концу 1802 года в нем насчитывалось не более ста кибиток самых беднейших, таких, которым уйти было некуда.

Бедность и изнурение калмыцкого народа усиливались еще от произвольных поборов, введенных наместником Чучей-Тайши Тундутовым. Утвержденный в звании наместника в октябре 1800 года, Тундутов собирал неограниченную подать со своих подвластных деньгами и скотом. Своею алчностью он окончательно разорил калмыков и довел их до невыразимой нищеты и бедности. Многие улусы, не имея утвержденных родовых владельцев, управлялись избранными, которые точно так же следовали примеру наместника и в свою очередь грабили народ, налагая на него произвольные поборы.

Обычай калмыков отдавать из трех сыновей непременно одного в духовное звание сделал то, что число духовенства превосходило численность всех прочих званий. Пользуясь огромным влиянием на народ, калмыцкое духовенство составляло класс праздных тунеядцев, живших в изобилии за счет пота и труда ближних. Главнейшее занятие духовенства состояло в обогащении и внушении народу неповиновения, отчего во всяком возмущении оказывался главным зачинщиком и виновником или *гелюнг* (поп), или *гещул* (дьякон), а иногда и живой их бог *лама*.

Для обеспечения праздной жизни духовенства набожные владельцы отдавали духовенству в вечное владение большое число своих подвластных в прислугу *хурулов* (монастырей). Принявши название *шабинеров*, то есть монастырских, такие калмыки не платили уже податей и не отправляли общественных повинностей, вся тяжесть которых падала на остальное население. Точно так же не платили податей и так называемые *тарханы*, то есть люди, уволенные владельцами от всех повинностей и служб.

При всех этих бедствиях, калмыки изнурялись ежегодным нарядом 650 человек для содержания кордонной стражи. Наряд этот был сделан, в январе 1800 года, по высочайшему повелению, только на время, пока на смену донских полков, отпущенных на родину, придут новые. Этим повелением воспользовались, и командир Астраханского казачьего полка стал потом требовать ежегодно на службу по 650 человек калмыков с семьей зайсангами¹⁸. Наряд этот стоил калмыкам ежегодно до тысячи человек умершими, столько же лошадей павшими и 65 000 руб. деньгами.

Находясь в заведывании особого пристава, калмыки управлялись народным советом, известным под именем «*зарго*». Составленный из восьми членов, избранных от всех орд, совет, или, лучше сказать, «*суд зарго*», выслушивал просьбы, отбирал от подсудимых показания и доказательства, тут же их рассматривал и постановлял окончательное свое решение. Решение основывалось на большинстве голосов; в случае же равенства или несогласия судей решение предоставлялось наместнику, но не иначе как с согласия зарго и русского пристава при калмыцком народе¹⁹. Постановление суда писалось прутиком на небольшой дощечке, известной под именем *самры* и намазанной салом, смешанным с золою. Написанное прочитывалось истцу и ответчику, а затем стиралось, и дело предавалось вечному забвению.

В продолжение зимних месяцев зарго закрывало свои действия, а в остальное время суд переезжал с места на место, так что люди бедные не могли догнать его. К тому же суд и расправа в зарго производились крайне беспорядочно и небрежно. Он не имел назначенного времени для заседаний и редко делал письменные постановления. Самое решение судей было до крайности оригинально и в большинстве случаев пристрастно. Выбранные владельцами из числа подвластных им лиц, судьи всегда почти склонялись на сторону, покровительствуемую владельцем, и всегда готовы были решить участь подсудимого по внушению свыше. Сделать

¹⁸ Зайсанг – родовой, наследный старшина калмыцкий и монгольский.

¹⁹ Высочайшая грамота калмыцкому народу 14 октября 1800 г.

это было нетрудно, потому что калмыцкие законы не основаны ни на естественных, ни на положительных истинах. «Действия человеческие рассматриваются более по правилам, извлекаемым из обычаев, из коих большая часть уничтожена по неупотребительности, но судьи, по недостатку положительных законов, а всего чаще по пристрастию приводили обычаи, на котором у сего народа основывается роковое определение. Всякое злодейство и даже самое смертоубийство наказывается взысканием скота, панцирей и вещей, которыми от всего откупиться можно. Если кто не в состоянии заплатить за воровство, то не только самого вора, но жену его и детей отдают обкраденному в вечное рабство без всякой вины их и участия в воровстве»²⁰.

В таком виде представилось состояние калмыцкого народа князю Цицианову, когда он приехал в Георгиевск. Положение это, будучи крайне печальным, требовало преобразования общей системы управления и ограничения злоупотреблений. На первый случай признавалось необходимым обеспечить калмыков землею, и с этою целью были отправлены землемеры, которым вменено в обязанность привести в известность в губерниях Астраханской и Саратовской число земель, действительно принадлежащих городам, селениям, хуторам, садам, ватагам и другим заведениям. Все такие земли, прилегающие к реке Волге и ограниченные дорогою, проходившею из Астрахани в Кизляр, отмежевать общою чертою и тем означить границу их от степи, составляющей кочевье для калмыков.

Для прогона скота предполагалось отмежевать по Волге в разных местах землю шириною верст по пяти и более, которую и отдать в пользование калмыков. В их же распоряжение должно было поступить некоторое пространство речного берега для рыбных ловель и именно: часть лугового берега реки Волги до реки Узень и Мочаги, с отделением некоторой части морских и волжских заливов. Различного рода затруднения²¹, встретившиеся при размежевании, затянули дело, и только лишь в конце 1804 года все земли и право владения ими приведены были в известность.

С другой стороны, чтобы улучшить общественное положение калмыков, предполагалось изменить состав «зарго» и дать ему оседлость переводом в Астрахань на постоянное там пребывание. Признавалось необходимым установить, чтобы при каждом хоруле (монастыре) было не более 25 гелюнгов (попов), 25 гецулей (дьяконов) и 50 манджиков (учеников веры); постановить правилом, чтобы сверхштатное духовенство несло повинности наравне со всеми прочими; чтобы обычай из трех сыновей посвящать одного в духовное звание был уничтожен, тем более что он препятствовал размножению народа, так как все духовные обязаны были оставаться холостыми; постановить, чтобы лама не смел посвящать в духовное звание никого без согласия пристава; воспретить владельцам отдавать своих подвластных в шабинеры и совершенно уничтожить звание тарханов.

Необходимость этих преобразований сознавалась и народом, тяготевшимся содержанием огромного числа духовенства и привилегированных сословий, но не имевшим голоса и сил предпринять что-либо в улучшение своего положения. «Калмыцкий народ, – доносил Страхов князю Цицианову²², – ожидает от покровительства вашего сиятельства защиты и благоденствия, равно и милостивого внимания к усердному о том ходатайству».

Несмотря на такую просьбу и полное желание главноуправляющего, положение калмыков было таково, что улучшить их состояние одним росчерком пера было невозможно. Чтобы достигнуть желаемого, необходимо было сделать коренные преобразования в управлении и притом в связи с их нравами и обычаями, характером и привычками. В короткое время пребывания своего на Кавказской линии князь Цицианов мог облегчить положение калмыков

²⁰ Письмо канцлеру пристава при калмыцком народе Страхова 12 ноября 1802 г., № 558. Арх. Мин. иностр. дел. II, 1802. № 1.

²¹ О многочисленных затруднениях этих см. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. II, № 1984 и 1986.

²² В рапорте от 29 ноября 1802 г., № 641.

только уничтожением частных злоупотреблений и лишним поборов. Воспользовавшись смертью калмыцкого наместника Чучей-Тайши-Тундутова, главноуправляющий просил императора вовсе уничтожить звание калмыцкого наместника, с тем чтобы каждая орда управлялась отдельно и самостоятельно. Вообще же он находил необходимым изменить систему управления как кочующими народами, так и кабардинцами, находившимися в зависимости России.

Хищничество последних в наших пределах побудило князя Цицианова принять меры к его уничтожению. Вскоре после прибытия своего в Георгиевск он решился построить укрепление близ источника кислых вод, впоследствии названное «Кисловодском». Место, избранное для постройки укрепления, находилось в средоточии всех армянских дорог к реке Кубани, сходящихся у самого вала укрепления. Затем за реку Кубань можно было пробраться только верхом, оставивши имущество внутри Кабарды.

Как только кабардинцы проводили о постройке укрепления, они поняли всю важность его и тотчас же явились к князю Цицианову с жалобой на стеснение их в пахотных и пастбищных землях. Старшины народа заявили при этом главноуправляющему, что они весьма много терпят от притеснения чиновников и казаков. Представители кабардинского народа говорили, что русские чиновники берут взятки и притесняют их; что подвластные и рабы их, убегая от своих владельцев в наши границы или укрепления, там задерживаются и им обратно не возвращаются; что от них требуют много рабочего скота, а за старый и негодный в работу скот берут особую пошлину, известную под именем *тамкзг*, что находящиеся на постах казаки причиняют обиды кабардинским пастухам, а при проездах кабардинцев ниже реки Малки грабят и убивают их.

Если претензия кабардинцев на стеснение их постройкою кисловодского укрепления не могла быть удовлетворена и считаться основательною, то заявление их по остальным пунктам имело значительную долю правды. Так, оказалось, что мост на реке Малке у Старого Екатеринограда был отдан на откуп, без всякой платы в казну, в руки частного лица, которое, построивши мост, брало произвольную пошлину за проезд, а с кабардинцев с каждого стада овец по два барана. Князья Большой Кабарды, враждовавшие с князьями Малой Кабарды и владевшие относительно большими средствами, притесняли последних, развращали узденей, принадлежащих владельцам Малой Кабарды, и выводили их из повиновения. С другой стороны, русские чиновники за деньги также держали сторону князей Большой Кабарды, недостаточно отличали лиц, преданных России, и не только не поддерживали их, а нередко даже и притесняли. Такие владельцы, в награду за их преданность России, были в презрении у своих единоверцев, слабы, неуважаемы в народе и в загоне у русских чиновников.

Те же князья, которые были богаты, не только безнаказанно занимались хищничеством, но, по ходатайству приставов, получали еще жалованье от нашего правительства.

«Над кабардинцами, — доносил впоследствии генерал-майор Дельпоццо²³, — имел власть всякий, кто только хотел быть их начальником, и притом всякий притеснял и грабил; в справедливых же просьбах им никогда не делано было никакого удовлетворения». Правда, хищнический образ жизни этого народа был причиной многих подозрений и давал часто случай обвинять кабардинцев в насилии и грабеже, но справедливо и то, что со стороны наших властей и даже самих поселян было допущено много злоупотреблений и несправедливых притеснений кабардинскому народу. Если, бывало, у кого-либо из поселян сведут ночью со двора несколько скотин, то в этом обвиняли кабардинцев, даже и в том случае, когда найденные следы неоспоримо доказывали, что украденный скот уведен внутрь наших границ. Поселянину на линии достаточно было сказать, что он ограблен кабардинцами, и заявить о количестве причиненного ему убытка, чтобы начальство Кавказской линии, без всякой поверки и удостоверения, требовало удовлетворения от кабардинцев.

²³ Князю Цицианову 5 апреля 1805 г., № 39.

Такого рода поступки вызвали энергический протест со стороны главноуправляющего. Князь Цицианов приказал обнародовать между жителями Кавказской губернии, чтобы они тотчас после похищения имущества давали знать о том на ближайший военный пост и капитан-исправникам, которые обязаны в управе земской полиции привести ограбленного к присяге в том, что показанная им потеря справедлива. Затем, капитан-исправник делает повальный обыск и исследует на месте, не произошло ли похищение от собственной оплошности или нерадения жалующегося, который только в случае своей невинности получает удовлетворение.

В предупреждение же возможности хищнических нападений жителям приказано ходить на полевые работы, если не целою деревнею, то не менее половины, и быть вооруженными; деревни обносить рвом и валом, на котором ставить палисад или сажать колючий кустарник, стараясь разроснуть его в рост человека и как можно гуще; каждому хозяину иметь по три «злейших собаки», которых на день привязывать, а на ночь спускать²⁴.

Делая все эти распоряжения, князь Цицианов не надеялся, чтобы они были в точности исполнены и чтобы положение края изменилось во многом. Злоупотребления слишком вкоренились в систему тогдашнего управления линии, и нужно было много усилий, чтобы привести все в должный порядок.

«Линия, – писал князь Цицианов графу Кочубею²⁵, – давно управлялась не начальниками, а канцеляриями их, следовательно, неопределенное жалованье чиновникам, окружающим начальника, было поводом к раздаванию его не по трудам, а по пристрастию к временщикам оного начальника. Так точно и я застал, как майорского чина секретарь получал из 5100 руб. суммы девятьсот рублей, а писцы без обуви; расходы из той же суммы на канцелярию так велики, что я уверен, что и в канцелярии вашего сиятельства столько не исходит; например, 12 стоп бумаги и 10 фунтов сургуча выходит в месяц. Потом казначейскую должность правил секретарь, которому и без того дела множество, а по сим причинам, не вспоминая о прошедшем, за необходимость счел привести в ясность оную сумму, с тем чтобы на мое место поступивший так же, как и я, ограничен был в прихотях своих.

Совсем собравшись ехать в Грузию, ожидаю только ответа от царицы (Дарьи). Должен откровенно сказать, что гражданская администрация в том краю несообразна со внушением в обитателей новоприобретенной земли доброй надежды о порядке; власть гражданская с военною подо мною разделена, и вечные ссоры между ними останавливают деятельность и той и другой. Беспрестанные жалобы Лазарева на Коваленского, а паче сего последнего на первого отнимают у меня много времени на примирение их и, как кажется, до моего туда прибытия (зло?) пресечено быть не может».

²⁴ Предписание князя Цицианова кавказскому губернатору, 9 мая 1805 г., № 309.

²⁵ От 8 января 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. VIII, 15.

Глава 2

Прибытие в Георгиевск уполномоченных от персидских ханов. Договор с ними. Цель этого договора. Затруднения, встречаемые в торговле на Каспийском море. Пособие и денежные выдачи некоторым горским владельцам. Предположения о занятии Дербента и Баку. Мнение о том графа Валериана Зубова. Рескрипт императора Александра I князю Цицианову

Как ни старался князь Цицианов скорее уехать в Тифлис, но не мог этого сделать ранее окончания дела по заключению дружественного союза с персидскими ханами и горскими владельцами, послы которых прибыли в Георгиевск еще до приезда туда нового главноуправляющего²⁶.

Для поддержания дружественного союза между соседними Грузии ханами приказано было еще генералу Кноррингу собрать послов этих владельцев там, где он признает это более удобным, и открыть с ними переговоры.

«Я положил, – писал император Александр I Кноррингу²⁷, – установить между помянутыми ханами и горскими владельцами, для общего их и народов их блага, твердый союз и дружеское под верховным моим покровительством согласие».

На этом основании было сообщено ханам и владельцам, что если они действительно желают себе и областям своим благоденствия, то для установления дружеской между собою связи и согласия съехались бы в одно место для личных совещаний или прислали бы своих уполномоченных.

Полагая, что представители ханской власти способны, подобно европейским дворам, заключать союзные трактаты и в точности исполнять их, наше правительство надеялось примирить их между собою путем переговоров и в то же время обеспечить нашу торговлю на Каспийском море.

Успешному ходу нашей азиатской торговли препятствовали многие причины, и в числе их, конечно, враждебные отношения, почти непрерывно существовавшие между ханами и владельцами. Последние, находясь даже в мире и согласии между собою, несколько не заботились о безопасности того пути, по которому проходили караваны с товарами. По дорогам от Шеки к Ганже (нынешний Елисаветполь), от Бойнака к Дербенту и через реку Самур из Кубы караваны не могли следовать от выезжавших на дорогу грабителей и разбойников, расхищавших товары²⁸.

Кроме того, торговля весьма много затруднялась неумеренностью собираемых пошлин, в особенности в Шеке. Этот платеж был тем более обременителен для торговцев, что плата за провоз товаров не имела определенных размеров, и каждый владелец брал в свою пользу столько пошлин, сколько хотел. Два каравана одинаковых размеров, с одним и тем же товаром и следовавшие по одной и той же дороге, платили не всегда одну и ту же пошлину. От прихоти хана или владельца зависела норма платежа, часто весьма значительная. При доставлении, например, товаров из Баку в Тифлис эта пошлина, или «рахтар», бралась пять раз. Наконец, варварское обыкновение приморских жителей, начиная от Ленкорани до реки Терека, грабить товары с судов, не оставляя даже рубашки на судовых служителях, окончательно подрывало всякую торговлю. В оправдание таких поступков прибрежные жители ссылались на импера-

²⁶ Князь Цицианов графу Кочубею 8 декабря 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел.

²⁷ В рескрипте от 24 декабря 1801 г. Арх. Мин. иностр. дел.

²⁸ Из рапорта консула Скибиневского генералу Кноррингу 14 октября 1802 г.

тора Петра I, будто бы разрешившего им пользоваться всем тем, что волнением при крушении судна бывает выброшено на берег.

Все эти затруднения и происшествия были причиною того, что генеральный консул наш в Персии, узнав о предполагаемом союзном договоре с ханами и горскими владельцами, просил генерала Кнорринга внести в договор обязательство, чтобы каждый владелец заботился о безопасном проезде караванов через его владение; чтобы каждое селение, в окружности которого случится грабеж или разбой, отвечало за это; чтобы удовлетворение ограбленных купцов или извозчиков товарных производилось немедленно самим владельцем, если он не в состоянии удержать своих подвластных от грабежа или отыскать грабителя или вора.

С другой стороны, представлялось необходимым установить одинаковую пошлину за провоз товаров в каждом главном областном городе, каковыми были: Баку, Тарки, Дербент, Куба, Шемаха и Шека. Самые умеренные пошлины брали в Баку, с владельцем которого, как единственным лицом, было заключено условие, обязывающее хана запретить приморским жителям грабить товары и судовые припасы в случае крушения судна.

Известивши всех ханов о желании императора Александра, генерал Кнорринг назначил местом съезда город Георгиевск, а сроком для собрания 20 сентября 1802 года. С половины этого месяца стали уже собираться уполномоченные²⁹, заключение договора с которыми выпало на долю князя Цицианова, имевшего весьма невыгодное мнение о договаривающихся.

Вступая, по своей обязанности, в соприкосновение с различными ханами, хищными по наклонностям, коварными и вероломными по характеру, присущему всем азиатцам, князь Цицианов решился поступать с ними совершенно иначе, чем поступали его предместники. Вместо ласки и уступки в различного рода претензиях, по большей части неосновательных, новый главнокомандующий решился поступать твердо, быть верным в данном слове и исполнять непременно обещание или угрозу даже и в том случае, если бы она была произнесена ошибочно.

Князь Цицианов знал, что если владельцы входили в сношение с нами, если искали даже покровительства России, то только тогда, когда вынуждаемы были к тому обстоятельствами, собственною слабостью и ничтожеством. Беда проходила, обстоятельства изменялись, и ханы, уклоняясь от принятых ими обязательств, предавались по-прежнему грабительствам и хищничеству. Поступки их еще более убеждали князя Цицианова в необходимости принятия таких мер против своеволия ханов, которые бы подходили к условиям их быта. Поэтому в своих административных распоряжениях князь Павел Дмитриевич становился в положение азиатских владельцев. Каждый из ханов, принявших подданство России, был в глазах главнокомандующего лицом ему подвластным.

Относительно тех ханов, которые сохраняли еще свою независимость, князь Цицианов относился как сильный к слабому. Он поступал в этом случае точно так же, как поступали между собою ханы и даже мелкие владельцы. У азиатских народов тот из ханов, который сегодня победил, завтра же выкалывал глаза своему противнику и обращался с ним, как с рабом, до тех пор, пока слепец, при помощи других, не отмищал ему тем же. В истории азиатских народов не редкость встретить хана, несколько раз свергаемого и снова восстанавливаемого на ханстве, хана с выколотыми глазами и изувеченного.

²⁹ Сюда прибыли чиновники: от каракайдакского уцмия Ростом-хана – Ахмет-ага, от владельца этой области Равия – Озней-бек и от табасаранского кадия Рустома – Мухамед-бек. Сверх того, получено было известие о прибытии в Кизляр, на пути в Георгиевск, чиновников: от шамхала Тарковского Уразай-бека и от владельцев Табасаранских: Сограб-бека Маасума – Нур-Магомет-бека и от Махмута – Мумсы-Загир. Бакинский хан думал прислать тогда, когда пойдет судно из Баку в Астрахань, так как сухопутно он не решался поехать, боясь хана Шемахинского. От хана Талышинского ожидался чиновник из Астрахани. От Ших-Али-хана Дербентского никто не прибыл к сроку, а прибыл гораздо позже.

«Ваше сиятельство, – писал князь Цицианов графу Воронцову³⁰, – изволите мне приказывать, чтобы я сказал свой образ мыслей о принятии горцев и персидских ханов в подданство.

Во исполнение чего, имею честь доложить со всею откровенностью и усердием к службе.

Подданство вообще ханов персидских и горских владельцев есть мнимое; поелику оно не удерживает их от хищничества и притеснения торговли. Владельцы же их удовлетворение делают так медленно, что иногда проситель больше от ожидания разоряется. Итак, чем менее подданства, тем менее оскорбления достоинству Империи, когда такой владелец пустыми переписками уповает отходить от прямого удовлетворения.

Теперь позвольте, ваше сиятельство, коснуться ныне поставляемой коалиции федеративной, в которой первое место занимает дербентский хан Ших-Али. Он требует войска: на что же? Чтобы Мустафу сверзить с владения Шемахи и поставить Касима, который обещал ему возвратить Сальяны, где большие рыбные ловли, приносящие 150 000 руб. дохода, присвоая их к Кубинскому владению, что и истина. Но какая польза России, чтобы дербентский хан был так силен? Он уже и соединением Кубинского владения с Дербентским более всех значущ. К тому же присвоает к себе Баку, под видом данника хана сего города, а если он все сие приобретет помощью российских войск, то, имея зятем шамхала Тарковского, может в большую заботу приводить здешние войска. Сей последний, то есть шамхал, так забылся, что, имея 6000 руб. жалованья, просил еще прибавки. Впрочем, в Азии политика есть *сила*; добродетель лучшая владельца – *храбрость*; способы – *деньги для найма войска*.

Итак, *чем беднее, тем покойнее*».

Различного рода претензии посланных и доверенных лиц затрудняли заключение договора настолько, что он мог быть окончен только 26 декабря и то с большими затруднениями.

Доверенный дербентского и кубинского Ших-Али-хана, чиновник его Медет-бек, по предварительному объяснению с главнокомандующим, не соглашался подписать условий вместе с другими, а требовал заключения особого договора, по которому хану его было бы дано войско и приличная сумма денег. Князь Цицианов, удивляясь такому требованию, просил от него письменного уведомления о причинах, которые воспрепятствуют ему, в лице своего хана, войти в дружеское постановление с другими ханами и владельцами. Главнокомандующий ссылался на то, что предместник его, генерал Кнорринг, писал ко всем ханам о цели, с которою должны быть присланы в Георгиевск их уполномоченные.

Требуя ответа на другой день, князь Цицианов в то же время приказал прочесть ему постановление и внушить, сколько выгод теряет его хан, если будет исключен из числа договаривающихся. Медет-бек просил тогда позволения прийти к князю Цицианову для личных объяснений. Он извинялся и ссылался на недоразумение, происшедшее от дурного перевода сообщения, посланного генералом Кноррингом к Ших-Али-хану. Действительно, на русском языке было сказано, что о войсках будет трактовано после постановления, в татарском же переводе слова «после постановления» были вовсе пропущены. Сознаваясь в своей ошибке, Медет-бек не соглашался, однако же, подписать постановления в общем собрании всех поверенных, ссылаясь на то, что, по достоинству его хана, ему неприлично заседать вместе с поверенными дагестанских и горских владетелей. Тогда, по совету главнокомандующего, он сказался больным и подписал постановление у себя на квартире³¹. Подписание это заключалось в приложении печати, так как он и еще три других уполномоченных оказались неграмотными. Эти последние и того не могли сделать, потому что печатей не имели.

«На изъяснение мое с ними, – писал князь Цицианов, – о важности дела, по которому они присланы, и что к отправлению их должностей надлежало употребленным быть людям

³⁰ От 21 декабря 1802 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 10, 1801–1803, № 2.

³¹ Князь Цицианов графу Воронцову 28 декабря 1802 г., № 242. Арх. Мин. иностр. дел.

грамотным, тем паче что о письменном постановлении им было ведомо, отвечали они мне, что к владельцам их не было писано, чтобы доверенные от них присланы были знающие грамоту, а требовано только полномочных и верных, и что владельцы их, по известным их заслугам, верности и усердию, и дали им свои доверенности. Почему, вместо сих неграмотных доверенных подписались, по просьбе их, в присутствии моем другие. Относительно же печатей, как сии безграмотные, так и грамоту знающие отозвались, что они их не имеют и что печати у них имеют одни токмо владельцы».

Таким образом, грамотные подписали сами, а неграмотные попросили за себя подписать постановление, которым обязались оставаться всегда непоколебимыми верноподданнической обязанности их к русскому императору, предоставив себя его покровительству и защите. Именем своих ханов уполномоченные обещались оставить навсегда все бывшие между ними несогласия, вражду, ссору и неприязненные поступки. Оставаясь спокойными в тех владениях, в которых они утверждены грамотами русского императора, ханы и владельцы приняли на себя обязанность ограждать свои владения от неприятельских вторжений, принимая заблаговременно к тому меры и оказывая друг другу помощь и содействие своими войсками. Соединясь между собою тесным союзом и дружбою, они положили хранить оную свято; дали слово никогда не нападать на области своих союзников и им подвластных и ничем не оскорблять друг друга.

Споры свои, претензии и недоразумения решать третьейским судом, а в случае неудовлетворения и этим способом, не поднимая оружия друг против друга, обращаться за решением к русскому правительству.

Соглашаясь прекратить грабежи вообще и расхищение товаров с разбитых судов, договаривающиеся определили одну общую пошлину, причем безопасность караванов обеспечивалась ответственностью самих ханов. В случае разграбления каравана владелец должен был удовлетворить немедленно обиженных и потом уже взыскивать со своих подвластных.

Таково было содержание заключенного на вечные времена договора, неисполнение которого влекло за собою строгое наказание, как со стороны нашего правительства, так и со стороны всех договаривающихся.

Заклучившие договор владельцы не замедлили тотчас или сами, или через своих посланцев заявить нашему правительству кто жалобу или неудовольствие, а кто и просьбу. Деньги и жажда к приобретениям были главнейшим к тому побуждением. Так, 20 ноября умер табасаранский кадий Ростом-хан, о чем получено было известие от старшего сына его Абдула-бека. Последний просил утвердить его кадием, дозволить отправить своего посланца в Санкт-Петербург³² и, наконец, разрешить ему выдачу того жалованья, которое получал его отец, и даже с тою прибавкою, о которой просил он за несколько дней до своей кончины. Не получивши еще сведения о том, что Абдула-бек избран и утвержден старшинами и народом кадием Табасаранским, князь Цицианов не выслал ему жалованья, получаемого покойным «за *мнимое его подданство*», как выражался главнокомандующий³³. Он отвечал Абдула-беку, что в ожидании не только знаков, но и опытов его верноподданнической обязанности прибавка к жалованью и самое жалованье до времени отсрочиваются.

Одновременно с заявлением этой претензии князь Цицианов получил также и другие просьбы. Ростом-хан, уцмий Каракайдакский, просил защиты против соперника своего Рази, который хотел его свергнуть и захватить власть в свои руки. Рази жаловался на Ростом-хана, своего двоюродного брата, и просил о возведении его в достоинство уцмий, как принадлежа-

³² Донося о сем, князь Цицианов писал, что кадий Табасаранский принял уже присягу на подданство, «и поэтому не худо ему приметить, так же как и прочим владельцам, состоящим в подданстве его величества, что подданный не может посылать к своему государю посланцев, а должен входить только с письменными прошениями». Отношение князя Цицианова канцлеру 28 декабря 1802 г., № 229. Арх. Мин. иностр. дел, 1–6, 1801–1813, № 7.

³³ Донесение князя Цицианова Г. И. 8 января 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1–10, 1803–1806, № 2.

щее ему по наследству. Из этой путаницы и жалоб можно было выйти только деньгами. Разию назначена ежегодная пенсия в 600 руб. до тех пор, пока он будет в точности выполнять договорные статьи о кораблекрушении. Табасаранские владельцы Сограб-бек-Маасум и Махмут-бек также получили по 450 руб. ежегодного содержания. Назначение этого содержания князь Цицианов полагал необходимым, по близкому их родству с кадием Табасаранским, получавшим также жалованье от нашего правительства. Эта раздача денег, хотя и долгое время не оказывала никакого почти влияния на поступки горских владельцев относительно России и подвластных ей народов, но казалась едва ли не лучшею системою из всех предпринятых нашим правительством. Противник этой системы, всяких пособий и вспомоществований князь Цицианов не отрицает, а в одном месте своих донесений сознается даже в том, что с течением времени эта раздача денег, до которых азиатские народы весьма жадны, может принести пользу.

«В настоящем дел положении, – писал князь Цицианов³⁴, – я вижу в одном только случае пользу определенного им жалованья, то есть давать награждение для того, чтобы можно было в наказание за их дурные поступки останавливать выдачу денег, как я сие учинил с уцмием Каракайдакским, за неудовлетворение пограбленных вещей с разбитого российского судна».

Конечно, эту раздачу денег мы взаимно не приобретали ни искреннего доброжелательства горских владельцев в России, ни ручательства в сохранении ими клятвенных обещаний, но, по крайней мере, говоря словами князя Цицианова, имели в руках своих орудие для их наказания; могли хотя временно показать, что наши отношения к ним изменяются и могут прийти в прежнее положение только при повороте ими на правильный и прямой путь.

С другой стороны, таким владельцам, каковы были кадий Табасаранский, шамхал Тарковский и уцмий Каракайдакский, денежные субсидии делались необходимыми. Владения этих трех лиц, простиравшиеся от Кизляра до Дербента, составляли непрерывную бережную часть Каспийского моря. Деньгами или другими какими-либо средствами, но нам необходимо было сохранять с ними дружеские отношения собственно для обеспечения нашей азиатской торговли.

Та же самая причина заставляла наше правительство обратить внимание на ханов Дербентского и Бакинского, владения которых также простирались по берегу Каспийского моря. По заключении договора посланец Шейх-Али-хана Дербентского объявил князю Цицианову, что имеет от своего хана повеление ехать в Санкт-Петербург с письменными и словесными поручениями, объявить которые главнокомандующему он не может. Догадываясь, в чем состоит просьба хана, князь Цицианов просил его сказать откровенно, сколько нужно хану войска и денег. Главнокомандующий обещал оказать ему помощь войсками, и даже скорее, чем деньгами. Медет-бек повторял просьбу о дозволении отправиться в Санкт-Петербург и уверял, что его хан охотно примет всякую помощь от русских. Помощь эта была необходима Шейх-Али-хану для борьбы его с ханами Шемаханским и Бакинским.

Область Бакинская в прежние времена принадлежала хану Дербентскому, и на этом основании Шейх-Али-хан все время хлопотал о том, чтобы возвратить ее и присоединить к своим владениям. Бакинский хан, игравший впоследствии столь значительную роль в судьбе князя Цицианова, был недоброжелателен к России. Как человек, Хусейн-Кули-хан был слаб, легковерен и скорее трус, чем храбр. Как правитель, будучи далек от предприимчивости и вял в делах, он легко поддавался влиянию своих приближенных чиновников, грабивших без милосердия его подвластных. Владея небольшим клочком земли с малым населением, Хусейн не смел и помышлять о сопротивлении другим ханам и не пользовался между ними никаким уважением.

Бесхарактерность и сознание своей слабости заставляли Хусейн-хана поддерживать постоянные сношения и связи с Мустафа-ханом Ширванским (Шемахинским), но связи эти были основаны на личной и необходимой его выгоде. Не имея никакой собственности, кроме

³⁴ Канцлеру от 11 апреля 1803 г.

города Баку, Хусейн был в полной зависимости от Мустафы, подпора и добрые отношения которого ему были столько же нужны, как человеку пища. Он сознавал, однако же, что и этот союз непрочен и что при первом удобном случае Мустафа не откажется наложить на него свою руку. Бакинское ханство со времени отделения от Дербентского недолго оставалось самостоятельным и независимым: оно скоро сделалось постоянным данником ханов Ширванских. Таким образом, находясь между двух огней, Хусейн мог считать себя повелителем ханства только до тех пор, пока сохранит добрые отношения с Мустафой и успеет оборониться от притязаний хана Дербентского.

Видя столь стесненное положение Хусейн-хана и желая присоединить бакинский порт к владениям России без военных действий, князь Цицианов старался, пользуясь положением хана, убедить его, что ему не у кого кроме России искать помощи, защиты и покровительства. С этою целью главнокомандующий поручил нашему консулу в Персии Скибинеvскому наметнуть Хусейн-хану, что Шейх-Али-хан Дербентский просит у нас войска для действия против него, Хусейна; что если, для предупреждения совершенного разорения Баку, хан попросит для своей защиты ввести русский гарнизон в город, то в такой милости, может быть, ему и не откажут.

Смотря по откровенности Хусейн-Кули-хана и податливости его на подобное предложение, Скибинеvский был уполномочен присовокупить, что если бы хану нужно было войско в самом скорейшем времени, то тотчас же присланы будут в Баку два батальона из Грузии.

Сообщение это, по-видимому, подействовало на бакинского хана, и мысль о присоединении Баку к владениям России, казалось, готова была осуществиться против всех ожиданий нашего правительства. Теснимый дербентским ханом, Хусейн надеялся теперь избавиться от его притязаний при помощи князя Цицианова, к которому и отправил своего посланного. Пробравшись втихомолку через Астрахань, Кизляр и Кавказское ущелье, посланный прибыл в Тифлис в марте 1803 года. Он привез письмо, в котором хан писал, что уполномочил своего молочного брата Ала-Верды-бека уведомить главнокомандующего «о покорности и послушании» хана русскому правительству.

Сознавая вполне, что князю Цицианову хорошо известны как характер, так и поведение хана, Хусейн не желал входить с ним в сношение и, надеясь обманом и различного рода изворотами усыпить бдительность нашего правительства в Петербурге, просил об отправлении своего посланного к высочайшему двору. Заручившись решением в Петербурге, он думал обойти князя Цицианова и получить помощь без всяких обязательств. Главнокомандующий не согласился на отправление в Петербург Ала-Верды-бека, и тогда последний передал ему письмо хана на имя императора, в котором тот, прося защиты, писал, что «все Высочайшие повеления будут приняты мною с покорностью».

В ответ на это Ала-Верды-беку было объявлено, что если он действительно имеет неограниченное полномочие от своего хана к заключению условий на уступку города Баку вместе с гаванью и на вступление хана в подданство России, то дал бы главнокомандующему письменное обязательство, которое могло бы служить документом и опорою для обеих договаривающихся сторон.

После предварительных и долгих объяснений Ала-Верды-бек написал собственноручно условия, по которым Хусейн-Кули-хан, со всем своим семейством, городом Баку и всем тем, что Баку издревле принадлежало, готов был поступить в подданство России «на вечные времена и непоколебимо». Обеспечение города, постройку пристани и других пособий для поддержания и развития торговли он предоставлял русскому правительству, а взамен того просил свободы вероисповедания, введения русского гарнизона в городе Баку для защиты его от внеш-

них врагов, оставления образа правления страны на прежних правах в его власти³⁵ и, наконец, разрешение строить суда в Астрахани и отдавать их внаем.

Донося об условиях, заключенных с Ала-Верды-беком, и имея в виду, что для исполнения составленного предположения о пределах, которыми должны были ограничиться владения паши в Грузии и вообще в Закавказье, князь Цицианов признавал необходимым ныне же занять Дербент и Баку нашими войсками.

Указывая на выгоды иметь в своих руках столь важный порт на Каспийском море, каким был Бакинский, главнокомандующий просил об усилении его двумя полками и присовокуплял, что другого столь удобного случая для занятия этих двух пунктов не будет.

«Честолюбивый и предприимчивый Шейх-Али-хан, – писал князь Цицианов³⁶, – ищет, посредством нашего пособия, низвергнуть Мустафу-хана Шемахинского, дабы на место его поставить двоюродного брата его Касим-хана, который теперь находится в Дербенте и у которого за сию услугу намерен выговорить уступку провинции Сальян, по ханству Кубинскому, предкам его принадлежавшую. Посланец дербентский Медет-бек открыл мне, что он имеет письмо к вашему императорскому величеству и от помянутого Касим-хана, чаятельно в том же смысле.

Низвержение Мустафы-хана Шемахинского, яко явного недоброжелателя нашего, может немало споспешествовать к достижению желаемой цели, но коль скоро узнаю высочайшую волю вашего императорского величества приступить к предназначенному предприятию, то считаю еще полезнейшим утвердить на ханство Касима без помощи Шейх-Али-хана, а посредством Авар-хана Лезгинского, которого посланный Аджи-Муса-бек уверительно обнадежил меня, что, в доказательство верноподданнической их преданности к престолу нового и великого их монарха, они ожидают от меня с жадностью первого повеления, дабы выполнить оное с должною скоростью и точностью. А чрез сие, предварительно последующими происшествиями берег сальянский, необходимо нужный для охранения устья Куры, займется без малейшего затруднения нашим войском, и при первом знаке гарнизон дербентский приведет в послушание город и окрестности.

В таковых обстоятельствах счел я нужным обнадежить посланца Шейх-Али-хана исхода-тайствованием для него всемилостивейшего позволения Вашего Императорского Величества отправиться в Санкт-Петербург, в ожидании которого предложил я ему ехать в Астрахань.

К сему осмеливаюсь присовокупить, что буде воспоследует высочайшая воля вашего императорского величества действовать, то для занятия приличными гарнизонами каспийских поморских городов, на которые устремятся первые мои начинания, нужно будет прибавить войска в мое распоряжение, по крайней мере девять батальонов; также усилить все прочие недостаточные мои по сему предмету способы».

Мысль о занятии Дербента и Баку обратила на себя внимание императора Александра и подверглась разным толкам. Граф Валериан Зубов, от которого потребовано было мнение, полагал, что занятие вообще всех прибрежных городов по Каспийскому морю он считает преждевременным. Для окончательного решения граф Зубов считал необходимым иметь подробные сведения о том: сколько князь Цицианов предполагает употребить войска на высадку? Довольно ли для этого судов на Каспийском море? Каким образом будут продовольствоваться войска? И наконец, по занятии этих пунктов нашими войсками, необходимо было решить предварительно вопрос: какое устройство и управление они должны будут получить, для более прочного утверждения нашего в тех местах? Имея все уже готовым, князь Цицианов, конечно,

³⁵ «Долгом поставляю донести, – писал при этом князь Цицианов, – что под словами: «на прежних правах» заключается, по разумению посланца, и смертная казнь. Но, как упорство его устрало меня несостоянием сего постановления, и как 1-я и 2-я статьи, повергающие город и хана бакинского в совершенное подданство, дают неоспоримое право не терпеть смертной казни, то я решился оставить сей пункт...» См. Всеподдан. рап. 31 марта 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел. 1 – 10, 1803–1806, № 2.

³⁶ В рапорте Г. И. от 8 января 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел. 1 – 10, 1803–1806 гг., № 2.

мог бы действовать с успехом, «а без сего, – писал граф Зубов³⁷, – князь Цицианов, со всею деятельностью своею и способностями, едва ли что-либо сделает в наступающую навигацию. Я думаю, что в течение нынешнего года все внимание его главнейше должно быть обращено на устройство Грузии и на распространение колико возможно ее пределов. Польза от сего – важнейшая всех, ибо сим упрочивается все последующее».

Во всяком же случае, по мнению графа Зубова, экспедиция эта ни в каком случае не могла быть предпринята ранее мая месяца 1804 года. Продовольствие войск представляло более всего затруднений. Астрахань, сама питаясь привозным хлебом, едва ли могла снабдить достаточным числом провианта, нужного для экспедиции. Поэтому князю Цицианову пришлось бы заготавливать его в Саратове и Волжске, в которых покупка производилась обыкновенно зимою, время, в которое его наиболее подвозилось в эти города. К тому же доставка провианта оттуда в Астрахань была затруднительна и требовала значительного времени.

С другой стороны, князь Цицианов, считая необходимым занять Дербент, просил о прибавке войск, которых назначить было неоткуда, и полагал поставить Касима ханом Шемахинским без помощи Шейх-Али-хана Дербентского при одном только содействии хана Аварского. Это последнее намерение уже само по себе не ручалось за хороший успех. Как только наши войска заняли бы Дербент, Шейх-Али-хан увидал бы, что мы вовсе не расположены содействовать ему к возведению Касим-хана на шемахинское ханство, то, конечно, он понял бы и разгадал причины, заставившие наше правительство согласиться на занятие Дербента. Занятие это могло иметь тогда весьма дурное следствие: оно подорвало бы окончательно всякую доверенность к русскому правительству со стороны всех горских владетелей. Мы же переживали в то время такую эпоху, когда доверие это было нам необходимо гораздо более, чем во все предыдущие и последующие времена. Интриги и происки Шейх-Али-хана Дербентского теперь еще более увеличивали бы наши затруднения. Невыгоды были так очевидны и уважительны, что император не согласился на предложение князя Цицианова занять Дербент нашими войсками.

Но, не отвергая пользы приобретения этого города и колеблясь в окончательном решении, император Александр требовал от главнокомандующего, прежде разрешения ему действовать наступательно, самого подробного и основательного обсуждения местных обстоятельств³⁸.

«Доныне же, – писал император, – намерение мое относительно экспедиции на Баку и Сальян есть то, чтобы она не прежде получила свое начало, как во-первых, по зрелом соображении всех обстоятельств и, наконец, по снабжении вас точными и поколику можно надежными средствами для произведения ее в действо с желаемым успехом. А поколику для учинения распоряжений сих естественным образом потребно будет немалое время, то в сем рассуждении и предполагаю я, что событие этой экспедиции не может ранее воспоследовать, как весною будущего 1804 года».

В другом рескрипте, подписанном и отправленном с тем же курьером, император представлял исполнение предположений князя Цицианова его собственному усмотрению.

«Хотя в рескрипте моем, – писал Александр³⁹, – с сим же курьером к вам отправленном, уведомил я вас, что экспедицию на Баку и Сальян и прочие побережные места Каспийского моря почитаю я рановременною; о занятии же Дербента сообщил я вам представляющиеся рассуждения касательно встревожения прочих ханов и препоны, от того случиться могущей, произведению в действо последующего. Но дознанное мною усердие к службе и отличные способности ваши склоняют меня оставить беспрепятственно на произвол ваш ожидать ли совокупления недостающих у вас средств, или, довольствуясь теми, кои уже в руках ваших нахо-

³⁷ Из записки графа В. Зубова, поданной императору. Арх. Мин. иностр. дел, 1-10. 1803–1806, № 2.

³⁸ Высочайший рескрипт князю Цицианову 19 марта 1803 г.

³⁹ Высочайший рескрипт от 20 марта 1803 г.

дятся, приступить к исполнению предначертанного плана, особливо если найдете вы, что самые обстоятельства того края требуют оный не отлагать.

Между тем указал я государственной адмиралтейств-коллегии поручить вашему ведению флотилию Каспийского моря; девять же батальонов, просимых вами, отрядить я не могу. Если, не получа сего усиления, найдете вы в состоянии, не обнажив Кавказской линии и ограждая границу сию от набегов горских народов, предпринять экспедицию на побережные места Каспийского моря, то я на то соглашусь, оставляя вашему соображению как продовольствие войск, так и устройство мест сих по занятии оных; уверен будучи, что вы все распорядите образом, соответственным пользе государства и собственной вашей чести, а равномерно не предпримете ничего, не будучи заранее удостоверены в благонадежности успеха».

Хотя после этого главнокомандующий и не должен был рассчитывать на присылку новых войск в Грузию, но он надеялся, что с переменою обстоятельств наше правительство не упустит случая воспользоваться согласием бакинского хана вступить в подданство России.

«Дерзаю всеподданнейше присовокупить, – писал князь Цицианов в одном из своих донесений, – что упущение столь удобного случая занять город Баку и присоединить оный к Всероссийской державе, без чувствительного казенного иждивения, почел я противным обязанностям, на меня возложенным, и усердию моему к службе и потому для выполнения в точности священной воли вашего императорского величества буду ожидать на сие решительного повеления».

Считая себя, в случае отказа, окончательно парализованным в своих действиях, князь Цицианов просил содействия канцлера и писал ему, что без присылки новых войск не представляется никакой возможности занять Баку. Рассчитывая, что на этот раз представление его будет иметь успех, и зная, что приобретение Баку, а тем более при добровольной уступке не было противно общим предначертаниям и инструкции, ему данной, главнокомандующий поручил шефу астраханского гарнизонного полка, генерал-майору Завалишину, заготовить провиант, необходимый для продовольствия отряда. На обязанность его же возложено узнать и приторговать, почем возьмут за доставку хлеба в Баку на наемных транспортах, для прикрытия которых приказано было приготовить в Астрахани два или три военных судна, могущих служить при удобном случае и для дальнейших предприятий наших на западном берегу Каспийского моря.

В то же время, для отвлечения внимания Шейх-Али-хана Дербентского от всех движений и действий, главнокомандующий послал к нему нарочного с письмом, в котором говорил, что будто бы получил разрешение императора Александра на возведение Касима на ханство шемахинское и потому готов приступить к этому по обоюдному соглашению в действиях. Князь Цицианов писал хану Дербентскому, что, удовлетворяя его желаниям, он считает затем ненужным отправление посланца его Медет-бека к высочайшему двору. Генерал-майор Завалишин же, при вручении письма князя Цицианова посланцу дербентскому, находившемуся в Астрахани, как бы в виде особой к нему откровенности, должен был сказать, что вооружение флотилии нашей производится для наказания хищных подданных уцмий Каракайдакского, разграбивших судно одного из наших астраханских купцов. Впрочем, восстановление Касим-хана главнокомандующий считал и для наших видов небезвыгодным; он даже думал при удачных и удобных обстоятельствах приступить к действительному исполнению этого. Во всяком же случае, проволочку времени в переговорах с Шейх-Али-ханом Дербентским он считал необходимой.

«В заключение сего, – доносил князь Цицианов, – приемлю смелость всеподданнейше представить мнение мое благоусмотрению вашего императорского величества по поводу изобращенного сомнения, не откроются ли через сие прежде времени настоящие виды наши и не поколеблется ли тем доверенность к нам прочих ханов? Поелику ни один народ не превосходит персиян в хитрости и в свойственном им коварстве, то смею утвердительно сказать, что ника-

кие предосторожности в поступках не могут удостоверить их в благовидности наших предприятий, когда заметить можно даже в нравах грузинского народа, почерпнувшего из Персии, вкуче с владычеством неверных, некоторую часть их обычаев, что самые благотворные учреждения правительства нередко приводят оный в сомнение и колеблют умы недоверчивостью. Водворение в Грузии российского могущества не переставало тревожить персидских ханов, а паче Баба-хана, который изъявлял неоднократно на Грузию свои притязания. Если некоторые адербейджанские ханы оказывали дружелюбие и наклонность к российскому правительству, то в чистосердечии их с основательностью ручаться не можно, да и больше есть причины думать, что они сие делали от страха, а не от усердия.

Страх и корысть суть две господствующие пружины, коими управляются дела в Персии, где права народные, вкуче с правилами человечества и правосудия, не восприяли еще своего начала, и потому я заключаю, что страх, наносимый ханам персидским победоносным оружием вашего императорского величества, яко уже существующий, не может вредить нашим намерениям, поколику почитаю я оный для них необходимым. Напротив того, причины доверенности к будущим подвигам нашим имеют уже твердое основание у соседственных народов, которые, удостоверясь, очевидно, в благодати российского правления, несмотря на злоупотребления, при первом шаге в Грузии вкоренившиеся, по всеобщему разуму милосердых законов вашего императорского величества, ограждающих личность и собственность каждого, единодушно воздыхают о событии того происшествия, когда они соделаются подданными сильной и правосудной державы и чадами единого милосердного отца. Армяне, населяющие большую часть адербейджанских провинций, по единому христианству и по уверенности их в торговом промысле, под защитою российского правительства, питают, для собственного блага, основательную к нам преданность и желание видеть скорейшее и благоуспешное водворение в сих странах российского владычества и взывают ко мне ежедневно о поспешении экспедицией на Эривань. Из всего сего явствует, что могущества российского оружия трепетать должны единые несправедливые и бесчеловечные власти ханов персидских и корыстолюбивые сообщники насильственного их правления. Ибо многие поколения, даже магометанского исповедания, а паче татарские, ищут позволения и удобного случая переселиться в пределы грузинские».

Когда в Петербурге получено было первое сведение о переговорах, начатых князем Цициановым с бакинским ханом, наше правительство сделало распоряжение о скорейшем отправлении в Грузию двух полков с Кавказской линии⁴⁰. Поводом к тому было составившееся убеждение, что с горскими владельцами нет возможности поддерживать дружеские отношения одними договорами и что только одна сила могла удержать их в пределах покорности.

В самом деле, чего можно было ожидать от мнимого подданства всех дагестанских владельцев? Чем возможно было удержать от варварских обычаев народы, закоренелые в грабительстве? Не только простые договоры, но и жалованье не могло служить в этом случае обеспечением. Одна военная сила могла держать их в страхе и покорности. Они присягнули на верность подданства России; все, как мы видели, заключили с нами союзное постановление и клялись в верности, и тут же своими поступками нарушали клятву.

«Вражда есть пища и упражнение горских народов, – писал князь Цицианов императору Александру⁴¹. – Видя силу российского оружия, в Кавказе водворенного, они прибегают к нам, прося друг против друга помощи, и таким образом сами ходатайствуют о собственной своей гибели. Не смея одобрить пред человеколюбивым сердцем вашего императорского величества сию систему завоевания, должен сказать, что она необходима в настоящих обстоятельствах. Единое обеспечение астраханской торговли достаточно, чтоб подвигнуть к занятию западного

⁴⁰ Письма князя Кочубея князю Цицианову 26 апреля 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел по департаменту общих дел. Дела Грузии, ч. II.

⁴¹ От 26 марта 1803 г. Т. А. К. Н.

берега Каспийского моря до местечка Сальян, не говоря уже о положении Грузии, которая требует неминуемо вернейших границ и распространения оных, для первоначальной уверенности и удобства к сообщению, по крайней мере до Каспийского моря».

Между тем князь Цицианов сообщил хану Бакинскому, что император Александр, соглашаясь, на основании заключенных условий, принять хана в подданство, не изъявил согласия оставить в руках хана смертную казнь. Главноуправляющий уведомил при этом Хусейна, что войска, назначенные для занятия Баку, придут туда вскоре. Одновременно с этим сообщением Ала-Верды-бек, при возвращении своем из Тифлиса, был задержан Мустафою-ханом Ширванским, который, проведав об искательстве Хусейн-хана, отнял от посланного все бумаги и под пыткой допрашивал, нет ли еще каких секретных поручений от главноуправляющего к бакинскому хану. Этот поступок шемахинского хана, имевшего в самом городе Баку многих приверженных людей и вследствие того большое влияние на хана, испугал последнего. Подстрекаемый окружающими, Хусейн не признал договора, заключенного Ала-Верды-беком, о чем и сообщил князю Цицианову, говоря, что постановление это заключено против воли его и что Ала-Верды нарушил данные ему наставления и полномочия⁴².

Отказ этот в исполнении условий, только что заключенных, не мог вызвать энергических действий с нашей стороны. Князь Цицианов был бессилен для того, чтобы употребить в дело оружие и силою заставить бакинского хана исполнить постановления. Бывшая в распоряжении главноуправляющего флотилия наша на Каспийском море была так неисправна, что не могла тотчас выступить в море, а отделить часть сухопутных войск для действия против Баку было также невозможно. Поэтому князю Цицианову оставалось ожидать удобного времени к тому, чтобы силою заставить Хусейна исполнить заключенные условия. Зная коварство всех азиатских владельцев, петербургский кабинет принял довольно равнодушно известие об отказе бакинского хана и, приписывая главную причину проискам Мустафы-хана Ширванского, поручил князю Цицианову стараться склонить последнего ко вступлению в подданство России, так как, по соображении хода дел и по мнению нашего правительства, покорение Шемахинской провинции должно было служить преддверием для занятия Баку⁴³.

⁴² Рапорт князя Цицианова Г. И. 19 июля 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1-10, 1803–1806, № 2.

⁴³ Делеша канцлера князю Цицианову от 23 сентября 1803 г. Арх. Мин. иностр. дел.

Глава 3

Прибытие князя Цицианова в Тифлис. Отправление лиц грузинского царского дома в Россию. Письмо царевича Юлона к Цицианову и ответ на него. Отправление царевичей Вахтанга и Давида. Бегство из Тифлиса царевича Теймураза. Письмо к нему князя Цицианова. Обстоятельства вынуждают отправить силою царицу Марию (или Мариам) в Россию. Распоряжения к ее вывозу. Убийство генерала Лазарева. Отправление царицы в Воронеж и заключение ее в монастырь. Письмо царицы к императору Александру I

Сдавши начальство на Кавказской линии генерал-лейтенанту Шепелеву, князь Цицианов 20 января 1803 года отправился в Тифлис, где предстояла ему крайне щекотливая деятельность уничтожить интриги лиц царской фамилии, простиравшейся вместе с родственниками и свойственниками до 90 человек обоего пола.

Рассказывая о состоянии Грузии при последних царях, мы имели случай видеть те грабежи и притеснения, которым подвергался народ от царевичей и царевен, не повиновавшихся царской власти и враждовавших между собою.

После смерти Георгия вопрос о престолонаследии вызвал интриги лиц царского семейства, как между собою, так и среди народа, который они подговаривали в свою пользу, волновали и в то же время грабили и притесняли. Грузины искали спокойствия, желали подданства России, а царевичи старались противодействовать этому и восстановить их против нашего правительства. Борьба партий вызвала волнения, которым князь Цицианов хотя не придавал большего значения и не называл их, подобно Коваленскому, бунтом, но не мог не признать, что единственным средством прекратить эти волнения и водворить спокойствие в Грузии было отправление в Россию всех членов царского дома.

Такое удаление, хотя бы и временное, вызывалось желанием блага грузинскому народу и было вместе с тем согласно с видами нашего правительства, полагавшего «усилить меры к вызову в Россию царицы Дарьи и прочих членов царского дома, коих присутствие в Грузии всегда будет предлогом и причиною неприятельских партий»⁴⁴. Дело это казалось тем более легким, что царица Дарья сама заявляла готовность ехать вместе с дочерьми в Россию, но готовность эта, как увидим ниже, была только на словах, а не на деле.

В августе 1802 года Дарья писала императору, что давно желала отправить к нему просьбу о разрешении ей ехать в Россию, но что этому мешал будто бы караул, «приставленный в самом доме моем». Жалуясь на свое положение, царица писала, что если она не удостоится лично «поклониться» императору, то такое несчастное и оскорбительное состояние может повергнуть ее в гроб⁴⁵. Не довольствуясь этим заявлением, Дарья отправила одновременно письма императрицам Марии Феодоровне, Елисавете Алексеевне и князю Куракину, которого просила употребить свое содействие к скорейшему вызову ее в Россию. «Сим одолжите меня навсегда, — писала она, — облегчите наложенную на мне несказанную печаль и заставьте быть всегда вам благодарной»⁴⁶.

Жалобы на притеснения и установленный за нею присмотр были конечною целью письма, а между тем в Петербурге верили в чистосердечное желание царицы выехать в Россию. Император Александр с свойственною ему деликатностью и предупредительностью торопился сообщить царице, что князю Цицианову повелено предоставить ей все средства и удобства к пред-

⁴⁴ Журн. Госуд. совета 1 сентября 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел по департ. общих дел. Дела Грузии, ч. II.

⁴⁵ Письмо царицы Дарьи от 30 августа 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. VII.

⁴⁶ Письмо ее же князю Куракину от 22 августа 1802 г. Арх. Мин. иностр. дел, II — 7, 1801, № 2.

стоящему путешествию. «Нахожу совершенное удовольствие, – писал император⁴⁷, – снова уверить вашу светлость, при сем случае, что мне приятно будет видеть вас в столице».

Желая вместе с тем показать свое расположение к царевичам, бывшим в Санкт-Петербурге, император простер свое внимание до того, что приказал передать в Каменноостровском театре ложу в постоянное распоряжение царевичей⁴⁸.

Пользуясь отправлением к царице писем особ императорского дома, князь Цицианов присоединил и свое, в котором писал Дарье, что остается в Георгиевске только для того, чтобы встретить там царицу прилично ее сану и облегчить ей путешествие в столицу. Князь сообщал царице, что поручил генералу Лазареву и правителю Грузии Коваленскому устроить ее путешествие настолько удобным, чтобы она не могла «обрести ни малейшей разности между оным и тифлисскими улицами»⁴⁹.

Главнокомандующий высказал надежду, что не более как через три дня она соберется и отправится в путь.

Сомневаясь, однако же, в искренности желаний царицы, князь Цицианов решился все-таки выждать в Георгиевске ответ ее на письмо императора Александра и, в случае неудовлетворительности его, ехать туда немедленно самому, с тем чтобы принять решительные меры к отправлению в Россию всех членов грузинского царственного дома⁵⁰.

Предположения князя Павла Дмитриевича совершенно оправдались. В Новый год, в полдень, Коваленский, которому поручено было передать письма, приехал к царице Дарье и застал ее окруженную детьми. Он передал ей письма, и царица тут же прочла их.

– Какой ответ дадите относительно отъезда? – спросил Коваленский.

– По причине праздника, – отвечала она, – я не могу так скоро дать ответа. Прошу вас к себе вечером, а между тем подумаю об этом и прочту со вниманием письмо его императорского величества по переводе его, ибо оно прислано без перевода.

Вечером Дарья объявила Коваленскому, что после болезни, которою страдала более месяца, чувствует себя настолько слабою, что не может пройти по комнате, и потому, как ни лестны для нее высочайшие приглашения и сколь ни важен сей отъезд для собственной ее пользы, но все-таки она не решается пуститься в путь при ее слабости, преклонных летах и в настоящее суровое время. Царица объявила, впрочем, что воспользуется монаршею милостию при первом удобном случае⁵¹.

На другой день нового года Дарья отправила ответное письмо князю Цицианову, в котором высказалась вполне хитрая женщина, какою она и была в действительности. Царица писала, что, получив письмо главнокомандующего, она исполнилась матернего чувства, вспомнив как о своем муже Ираклии II, так и об отце князя Павла Дмитриевича, «между коими была величайшая связь дружбы». Ссылаясь на свою болезнь и отказываясь ехать в Россию, она просила князя Цицианова не ожидать ее в Георгиевске, а ехать скорее в Тифлис. Не отвергая того, что поправляется от одержимой ее болезни, Дарья высказывала боязнь, чтобы поспешные сборы и отправление «не учинились вечною препотою удостоиться поклонения его императорскому величеству»...

«Желательно мне было, – писала царица⁵² в заключении своего письма, – продлить сие письмо так, как приятно матери беседовать с сыном своим возлюбленным, но причину краткости есть поспешность моя к ответам. Прошу вас принять сие яко сын от матери».

⁴⁷ Обе императрицы также писали, что им будет весьма приятно видеть царицу Дарью в Санкт-Петербурге. См. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. VII.

⁴⁸ Отношение графа Кочубея князю Цицианову от 21 декабря 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел.

⁴⁹ Письмо князя Цицианова царице Дарье 27 декабря 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел по департ. общ. дел, ч. VII, 81.

⁵⁰ Рапорт князя Цицианова Г. И. 28 декабря 1802 г.

⁵¹ Письмо Коваленского к князю Цицианову 2 января 1803 г., № 6. Арх. Мин. внутр. дел, ч. VII, 68.

⁵² Письмо царицы Дарьи князю Цицианову 2 января 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел, ч. VII, 67.

Одновременно с этим находившийся в Грузии для горных изысканий граф Мусин-Пушкин писал князю Цицианову⁵³, что «хитрость и недоверчивость, в сердце царицы вселившиеся, препятствуют несравненно более ее отъезду, нежели болезнь, от которой она освободилась. Правда, что еще слаба и через три дня ехать невозможно, но через две недели ежели только на сие решится, то выедет».

Граф Мусин-Пушкин полагал, что присутствие самого князя Цицианова в Тифлисе может ускорить развязку этого дела, и потому советовал ему поторопиться приездом. Хотя царица Дарья и писала князю Цицианову, что слабое здоровье не позволяет ей выехать, но из разговора графа Мусина-Пушкина с царевичем Вахтангом можно было заключить, что Дарья все-таки может определить крайний срок для своего выезда. Пользуясь случаем, граф Мусин-Пушкин предложил Вахтангу проводить царицу до русской столицы.

– Я лучше останусь слугою в Грузии, – отвечал царевич, – чем поеду в Петербург.

– Вы ничем не оправдаете себя перед светом, – говорил Мусин-Пушкин, – и перед собственным сердцем и совестью, если в преклонных летах матери и при слабости ее здоровья никто из сыновей не проведет ее если не до столицы, то по крайней мере до Кавказской линии.

– Католикос (царевич Антоний) мог бы всего удобнее ехать, – заметил Вахтанг, – и я поговорю с ним об этом.

Граф Мусин-Пушкин изъявил желание сам видеть царицу, и Вахтанг обещал доложить ей и устроить свидание.

«Между тем не надеюсь я, однако же, – писал Мусин-Пушкин князю Цицианову, – чтобы без вашего присутствия и вторичного настояния решилась она ускориться с отъездом, почему прибытие ваше толико нужное и по множеству причин, и по сей важнейшей необходимо. Думаю, впрочем, что заманить некоторого из членов царской фамилии в Россию нелегко и что дотоле в отговорках не будет недостатку, доколе побуждениями страха, а не дружественными убеждениями к таковому отъезду принудятся. Доколе же из Грузии не удалятся, не будет здесь ни порядка, ни тишины».

Все эти известия и заставили князя Павла Дмитриевича поторопиться отъездом в Тифлис⁵⁴, где присутствие его было крайне необходимо для успокоения всех партий и народа.

Будучи недовольны русским правлением, грузины видимо волновались; все состояния жаловались на притеснения чиновников и, чтобы избавиться от них, хотели просить об утверждении царем одного из царевичей.

– Народ, стная под игом царей и их многочисленной фамилии, – говорил Лазареву князь Герсеван Чавчавадзе, – и не могли сего переносить, прибегнул к высокому покровительству государя императора, надеясь избавиться от сего ига, но ныне они еще больше под оным стнают. Прежде их неудовольствие и стнание происходили от фамилии, которая многие годы над ними господствовала и которую они привыкли почитать своими господами, а теперь становится для них несносным.

– Напрасно они так горячатся, – отвечал Лазарев, – гораздо полезнее потерпеть немного. Как только князь Цицианов приедет сюда и ему народ заявит о своих нуждах, то, конечно, получит удовлетворение и будет наслаждаться благоденствием, как и мы наслаждаемся под державой милосердного нашего государя.

– Будучи долгое время в России, – заметил на это князь Чавчавадзе, – конечно, я все знаю, но другие такого терпения не имеют.

Последние слова относились до князей, потому что простой народ был предан России, но князья, привыкшие к своеволию, ненавидели нас⁵⁵.

⁵³ От 2 января 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел.

⁵⁴ Рапорт князя Цицианова Г. И. 10 января 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. VII, 58.

⁵⁵ См. А. К. К., т. II, № 593 и 594.

1 февраля⁵⁶ 1803 года князь Цицианов приехал в Тифлис, где ожидали его со страхом и надеждою. Одни опасались преследований за злоупотребления власти и лихоимства, другие, как, например, лица царской фамилии и ее приверженцы, мечтали о восстановлении на престоле дома Багратионов. Последние полагали, что главнокомандующий, как грузин по происхождению, будет работать в их пользу, – но ошиблись. Князь Цицианов видел только одно спасение для Грузии – это окончательное удаление из страны всех членов царского дома и прекращение беспорядков, вкоренившихся в составе русского правления. Он начал с того, что удалил Коваленского от должности правителя Грузии и, не видя возле себя из гражданских чиновников ни одного такого, который мог бы занять его место, назначил правителем генерал-майора Тучкова. Сознавая, что назначение военных чинов на гражданские должности могло бы ослабить и без того незначительные боевые средства, князь Цицианов просил прислать в Грузию людей достойных, знающих и честных.

«Благоволите, ваше сиятельство, – писал он графу Кочубею⁵⁷, – вспомоществовать бедному краю сему людьми усердными и бескорыстными, а по недостатку в оных хотя такими, которые бы Грузию не почитали Иркутскою губерниею. Высочайше назначенное по штату жалованье превышает все оклады, по другим губерниям существующие, но набранные сюда разночинцы превышают меру всякого воображения. Я нахожусь в таком непостижимом положении, что, видя явные злоупотребления их, не могу преследовать, ибо все разбегутся, и, следовательно, дурное течение дел придет еще в худшее состояние или вовсе остановится».

Князь Цицианов просил назначить к нему людей лучших, «в коих нужда для сохранения доверенности к новому правительству увеличивается по мере отдаления мест, куда они определяются»⁵⁸. Просьба главнокомандующего была услышана, и император приказал назначать в Грузию чиновников с строгим выбором⁵⁹ и преимущественно греческого исповедания, соответствующих «образу мыслей в Грузии, где жители очень много привязаны к обрядам религии»⁶⁰.

Поставляя себе первым правилом искоренение злоупотреблений и беспорядков и зная, что причиною последних во многих случаях были лица царского семейства, князь Цицианов старался познакомиться с ними, узнать характер и образ мыслей каждого. Тотчас по прибытии в Тифлис главнокомандующий разослал всем членам царского дома высочайшие грамоты и виделся со всеми. Вдовствующая царица Дарья, «которая всем здесь руководствует», как доносил князь Цицианов⁶¹, лично объясняясь с ним, говорила, что она действительно прежде имела намерение ехать в Россию и даже просила о том, но думала, однако, что ее одну только призывают туда. Теперь же, видя, что ее понуждают к тому вместе со всеми, по болезни своей, столь дальнего путешествия предпринять не может. Впоследствии, уступая требованиям князя Цицианова, она говорила, что готова отправиться в Россию, но не ранее апреля месяца, просила отпустить ей 10 000 руб. для приготовления всего необходимого к отъезду и для содержания 50 человек свиты, которую она считала необходимым взять с собою.

Царевич Давид, несмотря на убеждения, по выражению князя Цицианова, «иначе как под стражей» ехать не соглашался. Царевич Вахтанг «из всех хитрейший», при особенном свидании с князем Цициановым, в котором последний объявил ему неперемнное желание императора Александра о выезде царской фамилии из Тифлиса, в горести и со слезами говорил, что он решится лучше в Грузии землю копать, нежели ехать в Россию, и «наконец, доносил глав-

⁵⁶ Там же, № 14.

⁵⁷ От 27 февраля 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел, ч. VIII, 30.

⁵⁸ Всепод. рапорт князя Цицианова 27 апреля 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел, ч. VIII, 47.

⁵⁹ Указ князю Цицианову 31 марта 1803 г. Там же, 33.

⁶⁰ Отнош. графа Кочубея герольдмейстеру Грушецкому 3 июля 1803 г., № 30Ю. Там же, 68.

⁶¹ Рапорт князя Цицианова Г. И. 10 февраля 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. VII, 89.

нокомандующий, по настоящему убеждению моему, с объяснением собственной пользы его, могущей воспоследовать от немедленного повиновения, привел меня в крайнее замешательство, бросаясь к ногам моим и прося помилования. Такое упорство, единодушно от всех оказываемое, подтверждает частично мнение о слухах, разнесшихся в Грузии, что со вскрытием весны царевицы Александр, Юлой и Парнаоз, покровительствуемые Баба-ханом, намерены со всех сторон, с помощью лезгин, сделать нападение, для восстановления на царство одного из рода Багратионовых. По легковерию грузинского народа, дела здесь управляются разглашением разных слухов, часто самых невероятных. С приезда моего разнеслось здесь известие, якобы из Санкт-Петербурга привезенное, что к вызову царской фамилии я не имею другого от вашего императорского величества полномочия, как только приглашать их к тому доброму волею».

Слухи эти отчасти подтверждались и словами Коваленского, который, считая свое положение в Тифлисе крайне щекотливым и опасаясь потерять значение в глазах грузин, все еще старался показать, что ему известны самые сокровенные намерения нашего правительства. Посетивши однажды царицу Дарью, Коваленский успокаивал ее и говорил, что отъезд в Россию совершенно зависит от ее воли.

– Вы не беспокойтесь, – говорил он, – если вы своею волею не соизволите ехать, то никто вас силою отправить не может.

– Буде князь Цицианов о том узнает, – заметила на это царица Дарья, – то вам будет худо.

Обнадеживания Коваленского не успокоили Дарью, но послужили источником для многих толков в городе.

– Удивляюсь, – говорил придворный лекарь Татула, – как русские генералы противоречат друг другу: князь Цицианов страшит царицу Дарью, что насильно вывезет ее в Россию, а Коваленский публично ее уверяет, что он сделать это не имеет права.

Последние слова были впоследствии переданы князю Цицианову. Главнокомандующий призвал к себе Татулу, который письменно подтвердил справедливость сказанного Коваленским⁶². Не ограничиваясь этим и желая проверить показания придворного медика, князь Цицианов отправил письмо Татулы к царице, на котором та написала: «Я, царица Дарья, свидетельствую в истине сего письма и подписываюсь»⁶³.

Коваленский отрицал справедливость этого обвинения и говорил, что князь Цицианов, зная, что Татула личный его враг, «через его посредство, склонил болящую и запуганную уже царицу к подписанию такого на счет сей показания, какое ей было поднесено». В оправдание себя Коваленский представил министру внутренних дел письмо царицы Дарьи, писанное рукою ее дочери царевны Феклы, которая, по его словам, была при упоминаемом посещении⁶⁴. В день отправления этого письма по Тифлису распространился слух, что царевны Кетевана и Фекла, из расположения к Коваленскому и для написания в его пользу письма, похитили у спящей царицы именную печать, которую грузины весьма часто прикладывали вместо подписи. Проснувшись и не найдя печати, царица Дарья весьма беспокоилась, но скоро узнала

⁶² Письмо Татулы князю Цицианову 20 апреля 1803 г. Арх. Мин. внутр. дел. Дела Грузии, ч. II, 304.

⁶³ Надпись царицы от 22 апреля 1803 г. Там же.

⁶⁴ В мнимом письме этом царица Дарья говорила, что, узнав о понуждении ее князем Цициановым выехать в Россию, получила сильный припадок болезни, «повергнувшей меня в лишение чувств. О чем услышав, вы (Коваленский добавляет своею рукою: «по приглашению католика») приехали меня навестить и нашли меня пришедшею несколько в себя, но говорить с трудом я могла, сказала, однако ж, вам, что в таком болезненном состоянии, когда не могу передвинуться, хотят силою меня везти. Вы, видевши меня в совершенном расслаблении, подавали утешение в сих словах: *успокойтесь и не огорчайтесь, я не думаю, что в сей тяжкой болезни употребили бы над вами силу*. По христианской совести уверяю всех, что более сего ничего вы не говорили. Что же касается до рукописания в превратном виде слов сих, которое к князю было представлено, а от него ко мне прислано, то клянусь по истине, что подписала я оное из единого страха против воли моей (письмо это помечено 23 апреля. См. Арх. Мин. внутр. дел, дела Грузии, ч. II, 317).

истинную причину похищения. Тогда она написала письмо князю Цицианову, в котором подтвердила свое прежнее показание.

«Известилась я, – писала Дарья⁶⁵, – якобы вам донесено, что будто дала я теперь г. Коваленскому письмо, противное тому письменному лекаря Татулы свидетельству, которое мною подписано и утверждено печатью. Уверяю я вас клятвою, что никакого я ему письма не давала, да и в мыслях я не имела. А если кто от имени моего сделал письмо и имеет, то уверьтесь моею клятвою, что того и в мыслях моих не было и оно ни за рукою, ни за печатью моею. При множестве вымышленных на меня клевет, выдумана и сделана и сия клевета. Паки я повторяю, что сделанные мною в письме лекаря Татулы свидетельство и подписка суть точно мои слова и тоже есть истинное свидетельство мое».

Интрига эта раскрылась перед князем Цициановым гораздо позже, а вначале, вскоре после приезда его в Тифлис, по городу ходили глухие только слухи, будто он имеет разрешение только уговаривать членов царского дома к выезду в Россию, но не принуждать их. «Почему и нашелся принужденным, – доносил главнокомандующий, – показав подлинный высочайший рескрипт вашего императорского величества, в присутствии многих из знатнейших княжеских фамилий, перевести вслух статью сего высочайшего мне предписания».

В предупреждение всякого рода волнений и беспокойств князь Цицианов просил разрешения употребить силу, в случае сопротивления членов царского дома добровольно оставить Грузию и переселиться в Россию⁶⁶.

Как ни прискорбно было императору Александру видеть положение, в котором находился грузинский царский дом, он признавал, однако же, необходимым вызвать его в Россию и потому, в ответ на представление князя Цицианова, разрешил ему поступать по усмотрению. Предоставивши инструкцию, данною князю Цицианову при назначении, все распоряжения главнокомандующему и не желая стеснять его в действиях, император выражал только желание, чтобы он поступал по долгу совести и избирал способы и время, какие признает удобнейшими⁶⁷.

Обстоятельства вынудили князя Цицианова, еще до получения этого разрешения, отправить в Россию царевичей Вахтанга и Давида. Поводом к тому были повсеместные слухи, со дня на день увеличивавшиеся в Тифлисе, о каком-то всеобщем приготовлении к вторжению в Грузию 10 марта (в день Навруза, или нового магометанского года) лезгин и других горских народов.

Царевич Александр писал Дарье, что с войском идет на Грузию, и если будет жив, то непременно получит царство Грузинское, а если его убьют, то просил царицу забыть, что она и царь Ираклий имели сына Александра⁶⁸. Одновременно с получением этого письма в Тифлисе рассказывали, что лезгины сделали уже заклик и собрали для царевича толпу в 7000 человек, с которою он намерен был идти на селение Гавази и к Кварели. Слухи эти были, конечно, слишком преувеличены, и если Александр и имел сообщников, то число их было весьма незначительно.

⁶⁵ Князю Цицианову 28 апреля 1803 г. Там же, 309.

⁶⁶ Рапорты князя Цицианова от 10 января и 19 февраля 1803 г. Воен. учен. арх.

⁶⁷ Рескрипты императора князю Цицианову 30 января и 7 марта 1803 г.

⁶⁸ Письмо князя Цицианова к Кочубею 28 декабря 1802 г. Арх. Мин. внутр. дел, ч. VII, с. 79.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.